

Министерство высшего
и среднего специального
образования СССР
Научно-технический совет
Секция народонаселения

Выпуск 32

**ПРОШЛОЕ
И НАСТОЯЩЕЕ
ДЕМОГРАФИИ**

МОСКВА
«СТАТИСТИКА» 1980

ББК 60.7
П84

Редакционная коллегия:

Д. И. Валентей (главный редактор), Л. Е. Дарский, И. П. Каткова, А. Я. Кваша, Г. П. Киселева, Г. М. Коростелев, Р. С. Рогатова, Б. С. Хорев, В. А. Щеренко

Ответственный секретарь Н. Г. Джанаева

Редактор-составитель Д. К. Шелестов

П84 **Прошлое и настоящее демографии/М-во высш. и сред. спец. образования СССР. Науч.-техн. совет. Секция народонаселения; Гл. ред. Д. И. Валентей. — М.: Статистика, 1980. — 114 с. — (Народонаселение; Вып. 32).**

35 к.

Когда возникла наука демография? Как она развивалась? Какие этапы становления она прошла? Сборник является первой попыткой дать целостное представление о зарождении и развитии демографии. Особое внимание в нем уделяется истории отечественной науки. О многих интересных и полузабытых фактах расскажет эта книга.

Для широкого круга специалистов, занимающихся вопросами демографии.

П 10805—119 59—80
008(01)—80

0703000000

ББК 60.7
312

© Издательство «Статистика», 1980

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (Об изучении истории демографической науки)

Случилось так, что 35 лет назад два крупных демографа — советский и французский — одновременно высказали, несмотря на различие методологических позиций, схожие суждения о состоянии изучения истории демографической науки. Видный советский ученый М. В. Птуха, отметив отсутствие полной истории русской демографии, вместе с тем подчеркнул, что она представляет значительный интерес¹.

Примерно так же оценил положение с историей демографии французский исследователь — А. Ландри. «История демографии, — писал он, подводя итог своей многолетней деятельности в демографической науке, — одна из самых интересных и заслуживает более тщательного изучения, чем это делается на практике. Сами демографы очень часто имеют о ней недостаточное представление»².

С той поры минуло более трети века, из которых два последних десятилетия ознаменовались неуклонным подъемом советской демографической науки. Ее становление началось вместе со всей советской наукой сразу после победы Великого Октября. Однако распространение примерно с середины 1930-х годов ошибочного представления о том, что победа социализма сама по себе решает проблемы воспроизводства населения, а также некоторых других неверных теоретических положений о роли и месте народонаселения в общественном развитии привели к тому, что демография стала, по существу, низводиться до уровня регистратора статистических материалов. Она превратилась, по определению, данному ей в начале 1960-х годов в партийной печати, в «одну из забытых областей» научных знаний³.

Потребности общества развитого социализма, реше-

¹ См.: Птуха М. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков. М., 1945, с. 14.

² Landri A. Traité de démographie. P., 1945, p. 12.

³ Коммунист, 1963, № 17, с. 82.

ния XXIII—XXV съездов КПСС, партийные и государственные документы последних 10—15 лет коренным образом изменили это положение и обеспечили широкое развертывание исследования в 1960—70-х годах как конкретных, так и теоретических проблем народонаселения.

Наряду с представителями старшего поколения советских демографов (С. Г. Струмилин, А. Я. Боярский, А. И. Гозулов, Б. Я. Смулевич, М. Я. Сонин, Б. Ц. Урлинс и др.) в эти десятилетия в их активное исследование включились Д. И. Валентей, А. Г. Волков, В. А. Болдырев, Ю. А. Бжилянский, М. С. Бедный, Л. Е. Дарский, А. Я. Кваша, А. Г. Вишневский, В. С. Стешенко и многие другие ученые.

Что касается изучения истории демографической науки, то оно на этом этапе носило фрагментарный характер: в первую очередь рассматривались наиболее насущные проблемы, связанные с историей формирования марксистско-ленинской теории народонаселения¹, критическим раскрытием процессов формирования буржуазных концепций народонаселения (работы Б. Я. Смулевича, Д. И. Валентея, Э. А. Араб-Оглы, А. П. Судоплатова, Г. М. Коростелева, А. Я. Рубина и др.). Работы по истории демографической статистики были опубликованы М. В. Птухой, Н. К. Дружининым, А. И. Гозуловым и др.

Такая фрагментарность, вполне объяснимая в период развертывания исследований проблем народонаселения, не может заменить систематическое изучение истории демографической науки, в освещении которой имеется немало противоречивых суждений. Так, даже по поводу времени начала формирования этой науки в последние годы высказано по крайней мере четыре разные точки зрения, при этом хронологический диапазон называемых дат колеблется в пределах более чем трехсотлетней амплитуды — от XVII века до 1960—70-х годов. Объяснение такого разнобоя различиями подхода («узкого» и «широкого») к пониманию предмета демографической науки, на наш взгляд, несостоятельно. Решить эти вопросы можно только при коллективном фронтальном марксистско-ленинском изучении всей истории демографической науки, которая включает, кстати, и историю становления и развития предмета демографии.

¹ См.: Марксистско-ленинская теория народонаселения. М., 1974; Основы теории народонаселения. М., 1977 и др.

Впервые в нашей современной литературе необходимость широкого изучения истории демографии была обоснована в коллективном труде «Система знаний о народонаселении». В его разделе «История демографии» справедливо отмечено, что «в демографии остро стоит вопрос о преемственности»¹, и показано, что изучение научного наследия прошлого диктуется прежде всего потребностями современного развития марксистско-ленинской демографии, ее дальнейшего поступательного движения, резким возрастанием практической значимости исследований народонаселения.

Итак, потребности внутреннего развития науки — одни из основных факторов, определяющих выдвижение изучения истории демографии в число первоочередных проблем. Но есть еще, условно говоря, и внешние факторы. На современном этапе, особенно в связи с реализацией указаний XXV съезда КПСС, демография призвана стать стержнем, ядром марксистско-ленинской разработки проблем народонаселения целым комплексом общественных и ряда естественных наук. Занятие ею такого лидирующего положения неразрывно связано с раскрытием всей истории изучения народонаселения. Особо следует подчеркнуть, что это диктуется *задачами современности*. Не «уход в прошлое», а *история и современность* — такова генеральная линия марксистско-ленинского изучения зарождения, становления и развития демографической науки.

Советская наука, утверждая совместно с учеными социалистических стран и прогрессивными учеными мира диалектико-материалистическое изучение народонаселения, призвана в числе своих первоочередных задач разработать единственно правильную марксистско-ленинскую научную концепцию истории демографии, раскрыть исторические причины и неизбежность современного кризиса буржуазной науки о народонаселении.

При этом необходимо постоянно учитывать, что развитие советской демографической науки происходит в условиях развертывания исследований народонаселения во многих странах мира, на поверхности явлений воспринимаемого иногда как «возрождение демографии» (или даже ее «рождение»). Не рассматривая данный процесс во всей его сложности и многообразии, отметим только одну из важных его сторон: переход примерно с 1950-х годов

¹ Система знаний о народонаселении. М., 1976, с. 211.

буржуазной науки от почти исключительного применения методов «чистой (формальной) демографии» в изучении народонаселения к рассмотрению «детерминантов и последствий демографических тенденций»¹, проще говоря, к совместному изучению демографами, экономистами, социологами, философами, представителями некоторых других наук взаимодействия демографических, экономических, социальных и иных факторов.

Этот вынужденный непоследовательный и зигзагообразный переход, происходящий в условиях общего кризиса буржуазной науки, является одним из свидетельств правоты диалектико-материалистического учения. Однако он ни в малейшей степени не означает, конечно, восприятие буржуазной наукой марксизма-ленинизма, больше того, он неразрывно связан с усилением ее борьбы против революционного учения современности².

Отмеченный переход буржуазных ученых к исследованию взаимодействия демографических и социально-экономических процессов сказался и на их концепциях истории демографической науки. Интерес к ней возник в последней трети XIX в., когда появился ряд работ (Г. Кнаппа, Г. Гретцеля, Р. Бёка — в Германии; Ю. Э. Янсона — в России, Э. Левассера — во Франции, Ч. Хэлла — в Англии и др.), посвященных истории методов обработки количественных данных о населении. Можно считать, что примерно с этого времени буржуазная наука развернула выработку своей концепции истории изучения народонаселения, модернизируемую вплоть до наших дней.

Разработка этой концепции проходила и идет под влиянием целого ряда философских и социологических течений, породивших различные оттенки, через которые тем не менее отчетливо проступают два основных подхода к

¹ Именно под таким названием в 1953 г. был опубликован, подготовленный ООН, обзор мировой литературы по проблематике народонаселения. 20 лет спустя вышел новый обзор: Детерминанты и последствия демографических тенденций. Новое краткое изложение результатов исследований о взаимодействии демографических, экономических и социальных факторов (см.: ООН. Нью-Йорк, 1973, т. I; 1978, т. II). В отличие от первого обзора во втором названы работы советских исследователей (А. Я. Боярского, Д. И. Валентя, А. Г. Волкова, А. Я. Кваши, Б. Ц. Урланиса и др.), что является одним из проявлений роста международного авторитета советской демографической науки.

² См.: О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апр. 1979 г. М., 1979, с. 4.

освещению истории изучения народонаселения: либо она сводится к истории развития формальных методов обработки численных данных о населении (трактуемых как теория науки), а точнее, к разрозненной характеристике деятельности отдельных ученых, работавших в этом направлении¹, либо подменяется историей общих концепций народонаселения, которые излагаются в отрыве от конкретного изучения последнего, как некая «филиация идей», происходящая вне общественного развития, «до и после Мальтуса»².

В общем-то такие подходы (а они порой вызывают критические замечания и самих буржуазных ученых, пример тому — приведенная в начале статьи оценка А. Ландри) бытуют в буржуазной науке и в наше время. Вместе с тем предпринимаются попытки модернизировать их. Одна из наиболее крупных таких попыток сделана в объемистой коллективной работе «Изучение народонаселения», вышедшей в Чикаго в 1959 и 1963 гг.³ и признанной некоторыми зарубежными демографами «классической». Почти треть книги (вся ее 2-я часть) отведена главным образом истории демографии. Эта часть книги открывается общей главой «Развитие демографии», написанной американским социологом и демографом Ф. Лоримером, за которой следуют главы по странам (демография во Франции, Англии, Германии, Италии, Бразилии, Индии, США).

Очерк Ф. Лоримера широко известен в зарубежной литературе, он, пожалуй, единственный, в котором излагаются некоторые вопросы истории изучения народонаселения за период с XVI до середины XX вв. Очерк, состоящий из пяти глав, открывается главой «Возникновение демографии: политическая арифметика», содержащей характеристику работ Граунта⁴, Галлея, Зюссмильха и др.

¹ Willcox W. Biographical Sketches: John Graunt, Lemuel Shattuck, John Shaw Billings. «Studies in American Demography». Ithaca: Cornell University Press, 1940.

² Gonnard R. Histoire des doctrines de la population. P., 1923; Smith K. The Malthusian Controversy. L., 1951.

³ The study of population. An Inventore and Appraisal. Ed. by P. Hauser and O. Dunkan. Chicago, 1959 (2-изд. в 1963 г.).

⁴ Отметим произвольное толкование Ф. Лоримером названия книги «Естественные и политические наблюдения...» Д. Граунта, встречающееся иногда и в нашей литературе. «Слова «естественный» и «политический», — утверждает Ф. Лоример, — в названии научного произведения Граунта, по мнению самого Граунта, означают двойственную природу демографии, ее синтетический характер в качестве

Автор не только не связывает повествование о них воедино, но и считает, что их исследования «были вызваны более или менее частными, чисто научными интересами».

Нечто новое в буржуазную трактовку истории демографии вносит следующая глава, в которой содержится общий обзор формирования в XIX—XX вв. демографических источников. Третья глава также любопытна попыткой автора выяснить значение концепций народонаселения XVII—XIX вв. в развитии демографии, при этом дается резко отрицательная оценка мальтузианства, которое, подчеркивает Ф. Лоример, «существенно затормозило развитие демографии».

Рассмотрев в следующей главе историю развития «аналитической теории», автор посвящает заключительную, пятую главу современной истории демографии. Вывод этой главы резюмирует всю работу: «Концепция «чистой демографии», если это не касается скелета самой науки, является просто иллюзией. Важность демографии заключается в ее междисциплинарности». Так Ф. Лоример понимает проблему взаимосвязанного изучения демографических и социально-экономических факторов общественного развития и с этих позиций «подновляет» историю демографии. Добавим, что в очерке явно видно стремление «низвести» демографию, которую автор уклончиво называет «научной дисциплиной», до уровня одного из разделов буржуазной социологии, что в общем свойственно части современных американских авторов.

Однако, несмотря на все «подновления», для буржуазных историков демографии остается характерным субъективистское и идеалистическое «внеклассовое» ее рассмотрение¹, вывод за рамки всего многосложного процесса формирования науки в целом и общественных наук в

биологической и социальной одновременно научной дисциплины». Между тем даже самое поверхностное прочтение заглавия книги показывает, что «политические наблюдения» относятся к торговле и управлению, а «естественные наблюдения» касаются стран, времен года, рождаемости, здоровья, соотношения полов и возрастов человека и относятся к естественным наукам, базируются на арифметике. Где же здесь «двойственная природа демографии?»

¹ Как на практике осуществляется «внеклассовость», видно, в частности, на примере умышленного замалчивания Ф. Лоримером дореволюционной и советской литературы о народонаселении. В его очерке кроме мимолетного упоминания о том, что в России изучались миграционные процессы, нет больше ни слова о демографии в нашей стране, а в приложенном к очерку обширном списке работ упомянуто только одна советская книга (см.: Волков Е. Динамика населения СССР за 80 лет. М. — Л., 1930).

особенности, открыв ее от всей истории общественного развития. Не случайно буржуазные ученые не смогли выработать сколько-нибудь основательные критерии изучения истории демографии, а некоторые из них, псевдоскорбя о «дикой демографии», якобы не имеющей «ни учителей, ни учеников»¹, встали в данном вопросе на позиции агностицизма.

Буржуазным историкам демографии чуждо понимание того, что ее развитие, как и развитие всей науки в целом, обусловлено социально-экономическими процессами и отражает борьбу классов, их мировоззрений, сложнейшими путями переплетающихся в науке. Не представляет сомнения, что возникновение тех или иных теорий народонаселения является отражением борьбы в истории общественной мысли — философской, экономической, социальной. Разумеется, эта идейная борьба в сложных преломлениях проявляется во всех разделах демографической науки (в том числе и в так называемой «чистой демографии»).

На наш взгляд, основным критерием изучения истории демографической науки должно быть рассмотрение ее как части истории борьбы в науке материализма и идеализма, победы и торжества диалектического материализма. Исходя из этого основополагающего принципа, мы считаем, что рубеж в изучении народонаселения был определен революционно-творческой деятельностью К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, их разработкой проблем диалектического материализма, применения его в форме исторического материализма к анализу общественных явлений, в том числе и народонаселения². Разработка и утверждение диалектико-материалистиче-

¹ Эти рассуждения французского экономиста-демографа А. Сови, взятые из авторского предисловия к его книге «Общая теория народонаселения» (М., 1977, т. 1, с. 40), на первый взгляд могут показаться рассуждениями за демографию, объективно же они вредят ей, представляют ее как науку без традиций и прошлого.

² Нам представляется ошибочным утверждение, что основоположники марксизма-ленинизма рассматривали проблематику народонаселения преимущественно в критическом плане (антимальтузианском), а «позитивный план» в то время «не был главным» (см.: Рубин Я. И. Проблема народонаселения как объект идейно-политической борьбы. Минск, 1976, с. 231). Ряд работ советских исследователей убедительно опровергает это утверждение. Одной из наиболее основательных среди них является, по нашему мнению, глава «Классики марксизма-ленинизма о закономерностях развития народонаселения», написанная Н. В. Зверевой, в книге «Система знаний о народонаселении».

ского подхода к раскрытию закономерностей развития народонаселения в борьбе с антинаучными концепциями — таков, по нашему мнению, основной критерий изучения всей истории зарубежной и отечественной демографической науки.

Остановимся теперь, по необходимости коротко, на содержании изучения истории демографической науки, т. е. на том круге вопросов, исследование которых в их совокупности дает возможность проследить развитие демографии как науки. В числе первых здесь должно быть названо изучение формирования данных о народонаселении, а также становление методов и методик их обработки. Собственно разъединить эти два процесса в истории демографии практически почти невозможно. Неполнота количественных данных о населении (сохраняющаяся до наших дней) в значительной степени определила выработку очень высокой, порой филигранной, техники их исследования, которая, возможно, пока не достигнута ни в одной общественной науке.

Не касаясь постановки учета естественного движения населения и учета его миграций, отметим, что, по мнению исследователей, даже выработка принципов переписей населения потребовала столетий. Так, М. Г. Григорьянц считает, что развитие переписей населения прошло через три этапа: на первом (конец XVIII — первая половина XIX в.) закладывались основы их организации; на втором (вторая половина XIX — первая половина XX в.) разрабатывались их теория и практика; только на третьем этапе (с 1950-х годов) они стали приобретать современный характер¹. Добавим, что это относится к экономически развитым странам. И лишь в последние десятилетия, как справедливо отметила В. С. Стешенко, демографической службой ООН стали осуществляться мероприятия «по изучению громадных масс мирового населения, о которых демография имела самые приблизительные и отрывочные сведения»².

Несмотря на неполноту данных, источники статистики населения и ее методики являются преобладающими в эмпирических исследованиях в демографии. Но не исключительными, на что, кстати, обращал внимание и А. Ландри в цитированной работе³. В последнее время в демо-

¹ См.: Григорьянц М. Г. Переписи населения в капиталистических странах. М., 1976, с. 6.

² Стешенко В. С. Демография в современном мире. М., 1978, с. 36.

³ Landri A. Op. cit., p. 21—25.

графии все шире используются данные и методы экономических наук, социологии, социальной психологии и др. История демографической науки призвана раскрыть весь многообразный процесс формирования источников этой науки, выработки ее методов и методик.

Выше уже отмечалось, что важнейшей задачей истории демографической науки является анализ с классовых, партийных позиций теорий и концепций народонаселения. Добавим к ранее сказанному, что их особенность длительное время заключалась в том, что они, во-первых, были, так сказать, побочными продуктами более общих философских, экономических, социально-политических и других концепций общественного развития, во-вторых, эти теории и концепции (в том числе и более поздние, непосредственно связанные с проблематикой народонаселения, например мальтузианская) были оторваны от эмпирической базы изучения народонаселения, являлись умозрительными. Их спекулятивный характер привел к тому, что формирование буржуазной демографии шло в значительной мере в отрыве от теорий народонаселения, главным образом на базе эмпирических исследований.

Отсюда происходит столь свойственная ей подмена теории и методологии науки методами и методиками обработки конкретных данных, в конечном итоге — стремление подменить демографическую науку «формальной (чистой) демографией», демографической статистикой. Этот серьезный изъян буржуазной демографии вынуждены признать и ее представители. Так, швейцарский демограф Л. Херш (один из основателей потенциальной демографии), закрывая Всемирную конференцию по народонаселению (1954 г.), констатировал, что на конференции «различным образом были освещены многочисленность и разнообразие связей между демографией и социальными явлениями в целом и, таким образом, оказалось, наконец, возможным *выйти за узкий круг чистой демографии и научной изоляции, в котором находились демографы XIX и начала XX веков*» (курсив наш. — Д. Ш.)¹.

Сказанное не исчерпывает содержания изучения истории демографической науки. Сюда входят также исследования зарождения и развития организации науки (научные учреждения, кадры, периодика, конференции и т. д.). Рассматривая историю демографии как часть раз-

¹ Closing of the Conference. — In: U. N. Proceedings of the World Population Conference. Rome, 1954. Summary report, p. 181.

вития науки в целом, исследователь должен одновременно учитывать пути развития целого комплекса наук, особенно сопредельных с демографической.

Таковы основные проблемы, входящие в содержание истории демографической науки. Каждая из них может изучаться в отдельности, но понятно, что в истории демографической науки, рассматриваемой в целом, они взаимосвязаны. Только в раскрытии их многообразного спектра возможно создание целостной картины зарождения, становления и развития демографической науки, выявления закономерностей всего поступательного процесса изучения народонаселения.

Этот процесс можно подразделить, по нашему мнению, на несколько крупных периодов. Первый охватывает огромный период времени — от глубокой древности до XVI в., когда в условиях почти полного отсутствия эмпирической базы спорадически накапливались первые знания о народонаселении, научная основа которых находилась в зачаточном состоянии.

Зарождение и развитие научного изучения народонаселения, постепенно вызываемого потребностями зарождающегося и утверждающегося капитализма, приходится на следующий период, длившийся с XVII в. до второй половины XIX в. При этом утверждение о «точной дате рождения демографии», а тем более об единовременном «открытии» ее¹, на наш взгляд, вряд ли является правомерным. В действительности в этот период на протяжении более полутора столетий сложными путями вырабатывались (главным образом на основе скудных данных о народонаселении, ибо социально-экономические данные были еще беднее или практически отсутствовали) методы количественного исследования массовых явлений и некоторых общественных закономерностей.

У истоков разработки этих методов — целая плеяда

¹ См.: Урлианс Б. Ц. Трехсотлетие демографии. — Учен. записки по статистике. М., 1963, т. VII, с. 150, 160. Между прочим за 70 лет до этого Р. Бёк назвал и отметил другой «день рождения» демографии, связав его с Э. Галлеем (см.: Птуха М. В. Указ. соч., с. 96). Начинать демографическую науку «от Граунта» стало у нас почти непоколебимой традицией. Отнюдь не умаляя значения труда Д. Граунта (как, впрочем, и Э. Галлея), мы считаем, что эта «традиция» искажает весь процесс формирования в XVI—XVII вв. предпосылок современной науки, включая и обществознание, которое в ту пору еще лишь начинало (в том числе и в трудах Д. Граунта и Э. Галлея) сложный путь к социологии, статистике, демографии и ряду других наук, «родившихся» только в XIX в.

ученых, в том числе и естествоиспытателей (Э. Галлей, Яков и Даниил Бернулли, П. Лаплас и др.), что не является случайным: развитие «политической арифметики», теории страхового дела, а впоследствии и статистики населения было невозможно без развития теории вероятностей, которая «применима к любой области реального мира»¹. Возникшее в это же время государствоведение (статистика) не только передало свое название оформившейся в XIX в. науке, но и сыграло определенную роль в ее становлении (систематизация материалов, табличная статистика и т. д.).

На следующем этапе, обозначившемся примерно с 30—50-х годов XIX в., накопленный к тому времени опыт количественного изучения народонаселения (работа П. Лапласа «Философские очерки о вероятности», 1795 г., рус. перевод 1823 г.) стал, в условиях дифференциации научных знаний, дальнейшего развития естествознания, буржуазной политической экономии, социологии, основой формирования двух наук: статистики в ее современном понимании и науки, которая, хотя и получила название сначала популяционистики (1841 г.), а затем демографии (1855 г.)², длительное время чаще всего именовалась статистикой населения, что было, конечно, не случайно и являлось одним из проявлений продолжительного господства в буржуазной демографии чисто количественных методов изучения населения.

В задачу настоящей статьи не входит рассмотрение дальнейших периодов истории изучения народонаселения и развития демографической науки как части этого изучения. Остановившись только на основных методологических проблемах, мы стремились показать, что разработка истории демографии должна вестись на строго научной основе с не меньшей ответственностью, чем любое научное исследование.

Следует со всей серьезностью уяснить, что история де-

¹ Колмогоров А. Н. Роль русской науки в развитии теории вероятностей. — Учен. зап. Моск. ун-та. М., 1947, вып. 91, с. 53.

² Предложенный в 1871 г. немецким статистиком Э. Энгелем термин «демология» (Zeitschrift d. Preuss. Statistischen Bureau's 1871, Jahrg. 11) широкого распространения не получил. Что касается термина «демография», то он начал утверждаться также не сразу. Так, во французской энциклопедии «Большой Ларусс» его первое упоминание относится только к 1877 г. (16-й том). В следующем году он официально был призван 2-м Международным конгрессом гигиены, который стал применять его вместо терминов «статистика населения», «социальная физика», «теория населения» и др.

мографической науки — поле ожесточеннейшей идейной борьбы, и марксистско-ленинская демография не может уступить своему идейному противнику ни единого клочка этого поля. Некритическое отношение к тем или иным положениям буржуазной концепции истории демографии является именно такой уступкой.

Последовательно проводя марксистско-ленинский принцип партийности, творчески используя немалый опыт разработки марксистско-ленинской истории науки в целом, а также отдельных наук, необходимо начать переход от фрагментарного изучения истории демографии к фронтальному формированию марксистско-ленинской концепции развития этой, одной из важнейших современных наук. В данной статье мы стремились показать, что марксистско-ленинское изучение истории науки неразрывно связано с настоящим, современностью.

Прошлое и настоящее демографии — так назван этот сборник. Он, разумеется, ни в коей мере не претендует на то, чтобы дать полный очерк истории демографической науки и отражение ее в современности. Основная часть его статей посвящена отдельным вопросам истории отечественной демографии, как дореволюционной (статьи Э. Васильевой, А. Перковского, отчасти П. Звидриньша и А. Лашиньша), так и советской (статьи Е. Денисовой и М. Москвиной, В. Дробнжева, В. Моисеенко). Две статьи (Н. Сазоновой, О. Андрюшкевич) рассматривают почти не изученную в нашей демографической литературе деятельность ООН в области народонаселения. Сборник включает статью, кратко характеризующую историю изучения народонаселения в Московском университете, который отметил в 1980 г. свое 225-летие.

Такова структура сборника. Нам представляется, что она в известной степени отражает и логику развития науки, ее закономерное движение к торжеству диалектического материализма, ту логику, которая выражена в неопровержимых словах В. И. Ленина, навеки высеченных резцом мастера на сером мраморе стоящего в центре Москвы памятника Карлу Марксу: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно».

У ИСТОКОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РОССИИ

Предыстория науки о народонаселении — так можно назвать элементы демографических исследований XVIII в. в России. Люди, жившие в то время, не подозревали, что являются свидетелями зарождения новой науки, которая в середине следующего столетия получит название демографии, а затем, пройдя сложный путь развития, будет окончательно признана как самостоятельная отрасль научного знания.

Минуло более двухсот лет со времени проведения первой ревизии населения, введения метрических книг, первых высказываний русских авторов о проблемах развития народонаселения. Во многом наивными и, как правило, ограниченными в силу классовых позиций авторов и слабого развития общественнознания были демографические воззрения в России XVIII в. И одновременно наиболее талантливые передовые ученые и мыслители высказывали идеи глубоко научные, многие из которых не утратили своей актуальности до наших дней.

Широко известно, и не только специалистам, письмо ученого-энциклопедиста М. В. Ломоносова «О размножении и сохранении российского народа» (1761 г.). В нем удивительно ярко, образно и убедительно показано, какие конкретные меры могли бы способствовать сохранению и росту населения. В этом трактате о политике народонаселения, написанном с прекрасным знанием жизни русского народа, предлагаются реальные пути устранения чрезмерной смертности детей и взрослого населения, определены условия, которые могли бы препятствовать уменьшению рождаемости.

Развитие населения в XVIII в. происходило в сложных социально-экономических условиях. Усиление крепостнического гнета, начало разложения феодального строя, перестройка социальных отношений — все это влияло на характер демографических процессов. Численность населения увеличивалась как за счет естественного

прироста, так и благодаря присоединению новых владений. Численность облагаемого подушной податью населения в России по данным первых пяти ревизий составляла¹ (млн. человек):

в 1719 г.	— 15,5
в 1744 г.	— 18,2
в 1762 г.	— 23,2
в 1782 г.	— 28,4
в 1795 г.	— 37,2

Эти данные не включают населения, проживавшего на территории Кавказа, польских губерний и Финляндии. Для сравнения можно привести данные о современной численности населения страны. По предварительным итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г. в СССР проживало 262,4 млн. человек². Только в Москве и Ленинграде, вместе взятых, — 12 млн. человек, т. е. немногим меньше общей численности податного населения страны на рубеже XVII и XVIII вв.

Немного известно о структуре населения России в те далекие годы. На основе сохранившихся сведений ученые пытаются воссоздать демографическое прошлое страны. Ряд статистических данных о социально-экономической структуре населения приводится в упомянутой книге Я. Е. Водарского. В XVIII в. 90% населения составляли крестьяне, 4% — городские сословия и 6% — неподатное население, т. е. дворянство, чиновники, духовенство, армия. Среди крестьян в начале века лишь 26% приходилось на долю государственных, остальные были крепостными. Однако позже доля государственных крестьян стала увеличиваться. Неоднороден был состав крепостных крестьян. В 1719 г. среди всех крепостных крестьян помещичьих было 73%, дворцовых (удельных) — 10% и 17% приходилось на долю крестьян духовенства.

О составе городского населения можно судить по следующим сведениям³ о числе дворов, принадлежащих населению Москвы в 1701 г.:

Группы дворовладельцев	Число дворов
Бояре и дворяне	3 327
Приказные люди	2 652
Духовенство	1 370
Рейтары и солдаты	196

¹ См.: Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973, с. 54.

² Правда, 1979, 22 апр.

³ См.: Водарский Я. Е. Указ. соч., с. 43.

Посадские люди	6 568
Мастеровые	341
Крепостные люди	1 899
Всего	16 353

К XVIII в. уже была осознана необходимость учета численности и состава жителей, хотя источники данных весьма скудны. Этот период примечателен тем, что были заложены основы таких важнейших форм учета, как переписи и текущий учет естественного движения населения. Большую роль в этом сыграли реформы Петра I. Указом от 1718 г. было положено начало подушным переписям податного населения — ревизиям.

Каждая ревизия продолжалась несколько лет, а интервал между ними составлял около двух десятилетий. При всех недостатках такого учета сведения о численности податного населения, полученные по данным ревизий, считаются достаточно надежными. Они использовались при решении государственных вопросов. Например, данные первой ревизии послужили основой для определения размера подушной подати, предназначенной для содержания армии.

Получили также распространение местные переписи, охватывающие, как правило, не все население, а лишь определенные его слои. Например, указом от 28 сентября 1736 г. было велено переписать во всех губерниях церковнослужителей и их детей мужского пола. В июле 1737 г. был издан указ Сената «Об учинении в Санкт-Петербурге переписи обывателям и о содержании караулов для предосторожности от пожаров и подозрительных людей». Программой этой переписи предусматривалось учесть: «1) Чей тот двор. 2) Кто в нем живет, и много ль всего мужеска и женска пола, и в каковыя лета».

Для организации переписи надлежало «разделить все здешнее и загородное жилье по частям, чтобы всяк знал, от которого до которого места ему переписывать». О сроках проведения переписи в указе говорилось, что «начать оную во всех местах вдруг, и накрепко приказать, чтоб они тое перепись окончили конечно в три дня, а ежели кто во время той переписи не явится, а покажут об нем другие... и против имен их отмечать, что они в осмотре не были за отлучением...»¹. Сравнивая эти материалы с организационным планом проведения современных переписи-

¹ Полное собрание законов Российской империи, т. X, 1737—1739.

сей, можно заметить, что идеи переписного районирования, учета временно отсутствующих, соблюдения единых и кратких сроков переписи зародились уже в первой половине XVIII в.

При Петре I на духовенство была возложена обязанность вести церковные записи о новорожденных, об умерших, о бракосочетаниях. Порядок ведения записей в метрических книгах и представления сводных таблиц в Синод определялся неоднократно издававшимися указами и постановлениями. Первый указ, изданный в 1702 г., возложил на приходские церкви Москвы обязанность представлять еженедельно в Патриарший Духовный приказ ведомости о новорожденных и умерших.

Первым общегосударственным законом об обязательной регистрации православным духовенством актов естественного движения считается постановление 1722 г. изданное Петром I. Им предусматривалась обязательная регистрация времени совершения актов и обрядов крещения, погребения и бракосочетания в специальных книгах. Раз в четыре месяца сводки должны были посылаться в Синод. В 1726 г. был издан указ регистрировать возраст умерших; сведения об умерших направлялись в Военную коллегию. В 1764 г. были законодательно утверждены образцы для регистрации актов естественного движения населения, и все приходы Петербурга обязывались ежемесячно представлять сводки в Академию наук¹.

Исполнение издаваемых указов контролировалось плохо, и потребовалось не одно десятилетие, чтобы регистрация и представление сводок стали достаточно полными и точными. Все же во второй половине XVIII в. сложилась достаточно совершенная система учета естественного движения населения, но в этот период еще не существовало центрального статистического органа, который систематически занимался бы сбором, обработкой и анализом статистических материалов о населении и экономике страны. Лишь в начале XIX в. была создана система русской государственной статистики.

Проводимыми в стране ревизиями и учетом естественного движения далеко не исчерпывались формы учета населения в России в XVIII в. Положением об управлении губерниями 1775 г. на губернаторов была возложена обязанность собирать нужные для управления сведения и в

¹ См.: Птуха М. В. Очерки по истории статистики в СССР. М., 1955, т. 1, с. 319.

том числе о состоянии населения¹. Предпринимались попытки обследования и статистико-географического описания отдельных местностей. С этой целью рассылались на места анкеты, снаряжались специальные экспедиции для сбора сведений о природе, населении, хозяйственной жизни ряда районов страны. Во второй половине XVIII в. их число увеличилось. Ценный материал был собран экспедициями Академии наук.

В XVII в. и особенно в XVIII в. получила развитие обязательная система частного хозяйственного учета, включавшая элементы учета населения. В целях увеличения доходов, облегчения контроля и для принятия решений в монастырских, дворцовых и феодальных владениях регулярно велись записи, охватывающие разные стороны жизни хозяйства. Каждый владелец сам определял порядок ведения этих записей. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что существовали хорошо разработанные формы годовых отчетов. Поскольку помещики были заинтересованы в сохранении и воспроизводстве рабочей силы, значительное внимание уделялось учету численности и состава крестьян, а также разработке мероприятий, которые мы бы сегодня называли элементами политики народонаселения.

В составленной в 1724 г. помещиком А. П. Вольтским «Инструкции дворецкому Ивану Немчинову», например, говорилось: «По вся годы во всех деревнях в генваре переписывать крестьян всех по двор — кто он именем и сколько лет и женат или вдов, и что у него детей, мужеска и женска полу, и в каковые лета...». По материалам этой переписи требовалось составлять сводные итоги по деревням с указанием «сколько дворов, и что в них мужеска полу и женска душ, и сколько душ прибыло ли убыло»². В этом учете уже были заложены в зародыше методические предпосылки будущей земской статистики и современного похозяйственного учета, ведущегося в сельских Советах.

Хотя собираемые сведения о населении использовались государственными органами крайне слабо, важно отметить, что в XVIII в. в России уже сложилось ясное представление о роли населения в жизни страны, о задачах управления его развитием, о необходимости и содержании политики народонаселения. Как уже отмечалось,

¹ См.: Птуха М. В. Очерки по истории статистики в СССР, т. I, с. 7.

² Памятники древней письменности. XV. Спб., 1881, с. 21.

оригинальные и глубокие мысли о политике народонаселения были высказаны М. В. Ломоносовым. В документах и опубликованных материалах XVIII в. можно найти ряд высказываний по вопросам политики народонаселения. Например, А. П. Вольтинский разработал целую систему мер, направленных на регулирование развития крестьянских семей в поместье. Чтобы стимулировать прирост жителей, мужчины старше 20 лет, не вступившие в брак, облагались своеобразным налогом — на них дополнительно накладывалось полтягла. А. П. Вольтинский ввел в своем имении специальный налог, предназначавшийся для содержания вдов, сирот, престарелых, а также на приданое тем, кто выходил замуж в своей деревне.

Совершенно иные идеи высказывались по вопросам брака и семьи, когда речь шла о дворянстве. Видный деятель того времени В. Н. Татищев в духовном завещании сыну, рассуждая о браке, отмечал, что главное в жене доброе состояние, разум и здоровье. Он не одобрял выбора жены лишь за «лепоту лица, возраст и веселость в компании», но небезопасно и «старее себя себе жену взять», ибо любовь может нарушиться¹.

Большое общественное значение имел «Наказ» Екатерины II Законодательной комиссии (1767 г.), в котором была глава «О размножении народа в государстве». В росте населения усматривался главный источник пополнения государственных доходов. Основные идеи были заимствованы из трудов французских просветителей, они совпадали также со взглядами авторов, представляющих такие направления, как меркантилизм и государственное хозяйство. В «Наказе» есть статьи о политике народонаселения, например о преимуществах для женатых и многодетных, о регулировании браков родственников, о создании воспитательных домов, о сохранении народного здоровья.

Интересно отметить, что само понятие политики народонаселения давно утвердилось в научной литературе. Вот, например, как определяет ее в прошлом веке М. Шпилевский: «Под политикой народонаселения я разумею все меры государства, относящиеся к физической жизни народа, к сохранению и развитию его физических сил. Эти меры могут быть сгруппированы в следующие отделы: организация статистики населения; меры относительно браков; охранение народного здоровья, забота о народ-

¹ Попов Н. В. Н. Татищев и его время. М., 1861, с. 213—214.

ном продовольствии; меры против бедности; меры относительного передвижения населения. Все эти задачи, вопросы внутренней социальной политики находятся в тесной связи между собой и в постоянном взаимодействии. Они то всегда составляли и будут составлять предмет политики народонаселения. Самые же цель, средства, характер политики народонаселения могут быть разными и в разные времена и у разных народов»¹.

Рассматривая вопрос о политике народонаселения в XVIII в., необходимо иметь в виду, что при достаточно ясном понимании различными авторами наиболее острых проблем развития населения не могло быть и речи о реальном осуществлении предлагаемых мер.

В XVIII в. были заложены основы методологических и теоретических исследований в области народонаселения. В трудах М. В. Птухи² тщательно изучены два основных научных направления — государственное (статистика — в тогдашнем, в XVIII — начале XIX в., понимании этого термина) и политическая арифметика. Работы первого из них, описательного направления, были посвящены «комплексной», если пользоваться современной терминологией, характеристике страны — социально-экономическому и географическому описанию ее. Авторы придавали большое значение изучению населения и посвящали этой проблеме специальные труды.

Верил в огромные возможности экономического развития России И. Т. Посошков, написавший в 1724 г. «Книгу о скудности и богатстве». Будучи представителем купечества, он со своих классовых позиций разработал программу социально-экономических преобразований. Например, в связи с недостатком рабочих на фабриках он предлагал ловить нищих и обучать их прясть, ткать и бить. «Я чаю, что мочно тех гуляков набрать тысячь десятков другой и, построя дома мастерские, науча тех гуляков тунядцев, мочно ими много дел управить». Наставляет И. Т. Посошков на необходимости обучать, хотя бы насильно, грамоте крестьянских детей, так как «немалая пакость крестьянам чинитца и от того, что грамотных людей у них нет»³.

¹ Записки императорского Новороссийского университета. Политика народонаселения в царствование Екатерины II. Одесса, 1871, с. 3.

² См.: Птуха М. В. Указ. соч.; *его же*. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков. М., 1945.

³ Посошков И. Т. Книга о скудности и богатстве. М., 1951, с. 146—147, 171.

Заслуживают внимания работы В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, в которых содержатся интересные положения по вопросам народонаселения, рассматриваемые с позиций дворянства. Особый интерес представляют работы ученых, положивших начало построению сложных показателей, предлагаемых для анализа естественного движения населения (Д. Бернулли, Л. Эйлер, А. Шлецер, Л. Крафт, И. Герман и др.). В XVIII в. были переведены на русский язык ряд работ западноевропейских авторов, в том числе А. Бюшинга, И. Юсти, Я. Бильфельда и др.

Таким образом, наряду с зарождением основных форм учета населения в XVIII в. в России складывались также исходные теоретико-методологические предпосылки последующего развития статистики населения и демографии. В конце столетия существовали уже в достаточно развитой форме основные составные элементы будущей науки о народонаселении.

Последующие этапы развития системы знаний о народонаселении характеризовались двумя главными взаимосвязанными процессами: совершенствованием каждого отдельного элемента знаний о населении и последовательным объединением, слиянием этих элементов в единую самостоятельную область знания.

М. В. Птуха, в трудах которого содержится наиболее полное и глубокое исследование истории отечественной статистики XVIII — начала XIX в., писал: «Результаты наших исследований истории русской статистики убедительно свидетельствуют о самобытности отечественной статистики, а также о том, что по глубине разработки вопросов теоретической и прикладной статистики наша страна стояла в первом ряду передовых государств Европы, а в некоторых отношениях была первой»¹. Эти слова можно в полной мере отнести также к развитию статистики населения и демографии в России.

¹ Птуха М. В. Очерки по истории статистики в СССР, т. 1, с. 7.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОГРАФИЯ НА УКРАИНЕ

Историк науки нередко испытывает затруднение, так сказать, терминологического порядка. Характеризуя ранние этапы становления науки, на которых едва начинает складываться ее понятийный аппарат, а само название науки еще окончательно не выработалось, он вынужден пользоваться современной ему научной терминологией, постоянно находясь под угрозой «опрокинуть» в прошлое вместе с этой терминологией адекватные ей современные представления и тем самым «модернизировать» процесс развития научных знаний. Не составляет в этом смысле исключения и история демографии. Поэтому автор сразу оговаривается, что, применяя ряд современных терминов, он постоянно стремился учитывать при этом научные представления того времени, которые рассматриваются в статье¹.

И еще одна существенная оговорка. Статья написана на материалах Украины. Следует, однако, помнить, что такое территориальное ограничение в значительной мере условно: имея свои особенности, изучение народонаселения на Украине развивалось в общем русле развития российской науки, в общих для всей страны социально-экономических условиях того времени.

Эти условия и дали импульс для появления на Украине первых исследований демографического характера. Пионером их стал выдающийся дворянский просветитель, один из инициаторов открытия в 1805 г. первого на Украине университета в Харькове — В. Н. Каразин. Человек разнообразных интересов, он деятельно занимался и вопросами народонаселения. В. Н. Каразин впервые в оте-

¹ Статья ограничивается рассмотрением воззрений и работ, связанных со становлением и развитием демографии. Исходным критерием является «широкое толкование понятия «воспроизводства населения», предполагающее, что оно осуществляется как следствие трех форм движения населения — социальная мобильность, миграционное и естественное...» (Система знаний о народонаселении. М., 1976, с. 191).

чественной науке поставил и частично разрешил проблему изучения естественного прироста населения в его социально-социальных группах¹. Он показал особенности естественного движения городского населения, крепостных и государственных крестьян, в военных поселениях. Им в частности, была обнаружена более высокая смертность крепостного крестьянства в сравнении с другими группами сельского населения.

В. Н. Каразин раскрыл на конкретном материале отрицательные демографические последствия барщины т. е. статистически подтвердил тенденцию, предсказанную рядом тогдашних прогрессивных представителей социально-экономической мысли России. Один из его современников М. К. Грибовский, книга которого была популярна среди будущих декабристов, отмечал разрушительное влияние усиления барщины на здоровье крепостного: «Непомерные труды скоро истощат даже и сильного работника, а преждевременная болезненная дряхлая старость делает его отяготительным членом семейства»².

В начале XIX в. в Харьковском университете в некоторых работах по политической экономии, общей теории статистики (И. М. Ланг, А. Ф. Павловский) рассматривались теоретические вопросы изучения населения. В частности, А. Ф. Павловский предложил составить таблицы смертности по отдельным социальным группам населения. «Таблицы смертности, — писал он, — не одинаковы также и для каждого класса людей в одном государстве и в одно время. Род жизни, тягости, неразлучные с каждым состоянием и ему одному свойственные суть такие причины, коих влияние на продолжение жизни можно определить только наблюдением. Ежели бы составить таблицы смертности для каждого состояния, тогда бы мы знали, сколько из них требует пожертвования жизнью, знали бы, каким опасностям каждое состояние подвержено; и, может быть, нашли бы средства к отвращению их»³. Предложение А. Ф. Павловского предпола-

¹ См.: *Каразин В. Н.* Объяснение подробной таблицы обстоятельств народонаселения в Слободско-Украинской губернии... (20 ноября 1820 г.). — В кн.: *Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина*. Харьков, 1910, с. 382—394, таблицы.

² *Грибовский М.* О состоянии крестьян господских в России. — Соч. М. Грибовского. Харьков, 1816, с. 75.

³ *Павловский А.* О вероятности. — В кн.: *Речи, произнесенные в торжественном собрании Харьковского университета 30 августа 1821 г.* Харьков, 1821, с. 28.

до систематическое изучение метрических записей по различным социальным группам и слоям населения, что намного опережало существовавшие тогда возможности и представления.

Работы профессором Харьковского университета Н. И. Срезневского и А. П. Рославского-Петровского положили начало новому этапу в развитии демографической мысли на Украине. Благодаря этим работам демографическая мысль выбралась из тесного панциря государственоведения, описательной статистики. Отмеченные значительным влиянием идей А. Кетле, они уже в полной мере были проникнуты буржуазной идеологией и стремились поставить известную тогда сумму знаний о воспроизводстве народонаселения на службу экономическому и социальному прогрессу общества.

И. И. Срезневского по праву можно назвать одним из основоположников экономической демографии. Развивая идею А. Кетле о необходимости дифференциации экономической ценности возрастных групп, он предложил классифицировать их по признаку трудоспособности. На примере России и ряда других стран он вычислил экономическую нагрузку трудоспособного населения детьми и стариками, выполнил расчеты о средней продолжительности общественно полезной жизни, об «окупаемости» поколений. «Как силен капитал, оставленный по себе умирающей частью народонаселения? — ставил вопрос ученый. — Сколько лет полезной жизни проживает каждый из умирающих?»¹

Работы А. П. Рославского-Петровского были посвящены изучению народонаселения России в целом, а также в сравнении с соответствующими показателями западноевропейских государств². Оценивая демографическое развитие России, он отчетливо видел его теневые стороны, в первую очередь высокую смертность, которая обуславливалась социально-экономической отсталостью. Теоретические взгляды А. П. Рославского-Петровского в области демографии носили ярко выраженный кетлианский характер и имели антимальтузианскую направленность³.

¹ Срезневский И. О производительности или пользе жизни народонаселения. — Северное обозрение, 1848, т. 2, раздел IV, с. 3.

² См., например: Рославский А. Опыт сравнения успехов народонаселения в России и в некоторых других европейских государствах. Харьков, 1845 и др.

³ Рославский А. Руководство к статистике. Харьков, 1944, с. 39.

Во второй половине 1840—50-х годов сформировалась киевская буржуазно-либеральная школа статистики, которая в то время заняла ведущие позиции в развитии отечественной демографической мысли благодаря работам Д. П. Журавского, Г. П. Галагана и В. В. Тарновского. Основные теоретические положения этой школы по статистическому описанию процесса воспроизводства народонаселения были изложены Д. П. Журавским. В частности, он подчеркивал в 1846 г. необходимость изучения народонаселения по многим признакам, а не только по данным естественного движения: «Чтобы определить закон численного развития народонаселения с математической точностью Ньютоновской системы, надобно много других данных, кроме тех, какие представляют метрические книги»¹.

По мнению Д. П. Журавского, полную картину «численного развития» можно получить, изучая не только воспроизводство народонаселения вообще, а по социальным группам, с учетом миграций, социальных переходов, расселения, имущественного положения, занятий и т. д.² В дальнейшем он конкретизировал свою идею, предложив схему баланса воспроизводства податных групп населения на основе данных ревизских сказок³.

Учениками Д. П. Журавского в области демографии были профессор Киевского университета (впоследствии академик) Н. Х. Бунге, общественные деятели Г. П. Галаган и В. В. Тарновский. Н. Х. Бунге и Г. П. Галаган сформулировали концепцию о спаде воспроизводства крепостного крестьянства в России в период кризиса феодально-крепостнической системы под влиянием усиления помещичьей эксплуатации⁴. В. В. Тарновский конкретизировал идеи Д. П. Журавского применительно к изучению крестьянской семьи, создав первую в России работу по демоэкономике семьи⁵.

Таким образом, уже в первой половине XIX в. про-

¹ Журавский Д. П. Об источниках и употреблении статистических сведений. М., 1946, с. 77—78.

² См.: Там же, с. 111.

³ См.: Журавский Д. П. План статистического описания губерний Киевского учебного округа. Киев, 1851, с. 8—9.

⁴ См. подробнее: Перковский А. Л. Кризис демографического воспроизводства крестьянства России в первой половине XIX столетия. — В кн.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР/Под ред. А. Г. Вишневского. М., 1977, с. 167—190.

⁵ См.: Тарновский В. О делимости семей в Малороссии. Киев, 1853.

прогрессивные представители социально-экономической мысли исследовали основные теоретические проблемы изучения народонаселения в тесной связи с потребностями общественного развития и тем самым внесли значительный вклад в развитие отечественной демографии и становление других отраслей научного знания о народонаселении. В ближайшие десятилетия в полной мере сказалось влияние идей Д. П. Журавского на методике изучения населения земской статистикой, в том числе и на методике санитарно-демографических исследований.

Отмеченным выше прогрессивным исследованиям противостояли работы о народонаселении представителей консервативного направления: Н. А. Маркевича, А. А. Скальковского. Если родовитый помещик Н. А. Маркевич открыто выступал с тяжеловесной апологетикой отжившего крепостничества¹, то А. А. Скальковский был типичным приспособленцем, приравливавшим свои работы, в том числе и по проблемам народонаселения, к требованиям официального правительственного курса. Как исследователь, он умел найти «научную жилу», которая отвечала не только «видам начальства», но и вызывала общественный интерес, объективно способствовала накоплению фактического материала (например, работа А. А. Скальковского о долголетии — одна из первых в отечественной литературе попыток осветить эту проблему)².

Понятно, что для становления демографических знаний важное значение в научно-организационном плане имело открытие высших учебных заведений, в которых преподавалась статистика и политэкономия: вслед за Харьковским университетом был открыт Киевский (1834 г.), кроме того, на Украине находилось три лицея — в Кременце (с 1805 г.), Одессе (с 1817 г.), Нежине (с 1820 г.).

Важную роль в сборе и публикации материалов по статистике населения сыграли губернские статистические комитеты, открытые со второй половины 1830-х годов, а также деятельность Генерального штаба по военно-статистическому описанию России (в том числе было описано 9 украинских губерний). Центральный статисти-

¹ См.: *Маркевич Н.* Народонаселение Полтавской губернии. Киев, 1855.

² См.: *Скальковский А.* О смертности и долговечности в Новороссийском крае. — Журнал МВД, 1850, ч. XXIX, кн. 1.

ческий комитет МВД в конце 1850-х годов приступил к составлению и публикации списков населенных мест, введения к которым представляли самостоятельные работы по исследованию населения в регионе.

Вторая половина XIX — начало XX в. представляет собой новый этап в развитии дореволюционной демографической мысли на Украине. Для этого времени характерно определяющее воздействие буржуазной идеологии. Однако влияние идей революционных демократов, а затем и марксизма объективно способствовало усилению прогрессивных тенденций в трактовке проблем демографии, ограничивало влияние буржуазного национализма.

Наиболее видным проводником идей марксизма на Украине в 1870-х годах выступил доцент Киевского университета Н. И. Зибер, под руководством которого была составлена программа переписи населения Киева в 1874 г., а также программа деятельности Русского географического общества. Работы Н. И. Зибера оказали глубокое влияние на развитие комплексного подхода к изучению народонаселения в программах земских городских и сельских переписей.

Представители революционной демократии в ряде случаев освещали социально-экономические проблемы, имевшие непосредственный выход на изучение воспроизводства народонаселения. Так, П. А. Грабовский, И. Я. Франко и другие посвятили ряд статей трудовой миграции из украинской деревни вследствие аграрного перенаселения¹. Работы С. А. Подолинского с критикой мальтузианства, социал-дарвинизма, по проблемам здоровья способствовали во второй половине XIX — начале XX в. развитию исследований по проблеме качества населения². В то время ведущую роль в изучении качества населения, его естественного движения приобретают труды социал-гигиенистов (И. И. Пантюхова, Т. И. Маковецкого, И. П. Скворцова, М. М. Кузнецова, Е. В. Святловского, А. В. Корчак-Чепурковского, Л. А. Смидовича и др.).

Развитие земской статистики, в том числе и санитарной, образование в губерниях врачебных обществ, созда-

¹ См.: *Малинич З. Т.* Оцінка П. А. Грабовським переселенського питання. — В кн.: *Історія народного господарства та економічної думки Української РСР*. Київ, 1971, вип. 6.

² См.: *Подолинський С. А.* Життя і здоров'я людей на Україні [б. м.], 1878; *Критика мальтузианських і неомальтузианських взглядов. Росія XIX — начала XX вв.* М., 1978, с. 123—124.

ние кафедр гигиены в Киевском, Харьковском, Новороссийском (создан в Одессе в 1865 г.) университетах создали необходимые научно-организационные предпосылки для развертывания медико-демографических исследований. Значительную помощь методическими и конкретными разработками в изучении демографической ситуации оказали видные русские социал-гигиенисты А. И. Якобий, М. С. Уваров, Н. И. Тезяков, П. Н. Диатропов, которые продолжительное время работали на Украине.

В условиях быстрого развития производительных сил страны в пореформенный период высокая смертность населения стала серьезным тормозом социально-экономического прогресса, приносила ощутимые убытки народному хозяйству. Поэтому основной проблемой демографических исследований в то время стало изучение смертности, особенно детской, а также смертности городского и сельского населения (включая повозрастной разрез). Таким образом, преобладание медико-демографического аспекта разработок было во второй половине XIX—начале XX в. объективной необходимостью.

Ведущие социал-гигиенисты того времени существенно обогатили не только прикладную демографию, совершенствуя ее методику, но и вели серьезную работу по развитию демографических идей, открытию новых направлений. Так, профессор Харьковского, а затем Казанского университетов А. И. Якобий своим циклом работ о демографическом кризисе ряда небольших по численности народов (исследования по проблеме «вымирания инороднических племен») ¹ сделал много для того научного направления, которое сегодня формируется как этническая демография.

Ученый-энциклопедист, профессор Харьковского, затем Киевского университетов И. П. Скворцов внес заметный вклад в утверждение демографии как самостоятельной общественной науки. Полемизируя с известным немецким статистиком и демографом Г. Майром, он подчеркивал, что демографию нельзя отождествлять со статистикой населения: «Статистика, как наука, должна быть скорее всего отнесена к области таких чисто формальных наук, как математика, логика, т. е. наук, определяющих

¹ См.: Медицинский факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905). Харьков, 1905—1906, с. 425.

пути и способы приобретения человеком знаний о себе и о природе»¹.

Специальные работы по теоретическим проблемам демографии были немногочисленны. Среди них видное место занимает обнаруженный нами труд Т. Р. Рыльского, общественного деятеля, близкого к либеральному народничеству, этнографа и экономиста. Этот труд посвящен изучению форм движения населения в связи с совокупностью условий: географических (природных), к которым автор относил и антропологическую специфику народов; социальных, в частности воздействие различных уровней благосостояния на физиологическую способность к размножению, жизнеустойчивость и психологическую устойчивость.

Характерно, что Т. Р. Рыльский, в отличие от многих современников, рассматривал эпидемии не как стихийное явление природы, а относил их к группе «динамических социальных причин», воздействующих на движение населения. Автор ставил задачу изучить воздействие рода занятий на движение населения, а также влияние образа жизни в целом на воспроизводство населения².

Большое влияние на развертывание изучения естественного движения населения на Украине оказала работа воспитанника Московского университета, математика К. А. Андреева³, которую он представил в 1873 г. на публичный диспут для занятия должности приват-доцента Харьковского университета, где проработал 25 лет до 1898 г. Его монография дала более реалистическую оценку смертности в России, нежели таблицы В. Я. Буяковского, и тем самым способствовала правильной ориентации демографических исследований в целом по стране.

В 1916 г. М. В. Птуха опубликовал и защитил магистерскую диссертацию, посвященную методологии и методике исследования демографических процессов в узком смысле этого слова (рождаемости, смертности, брач-

¹ Сворцов И. Восьмой международный гигиеническо-демографический конгресс. — Вестник общественной гигиены, судебной практической медицины, 1895, т. XXV, январь—март, с. 142.

² Центр. научн. биб-ка АН УССР. Отдел рукописей, ф. 1, дд. 6638—6639. Работа написана, вероятно, в первой половине 1870-годов.

³ См.: Андреев К. А. О таблицах смертности. Опыт теоретического исследования о законах смертности и составления таблиц смертности для России. М., 1871.

ности)¹. В ней автор, не ограничившись систематизацией достижений западноевропейской и отечественной демографической мысли, дал критический обзор концепций в области формальной демографии начала XX в.

Он предложил оригинальную схему, которая должна была связать воедино демографические явления на макроуровне с демографическими событиями, относящимися к отдельным индивидам: «Только при соединении, — писал он, — демографических биографий отдельных индивидуумов в демографическую биографию среднего для изучаемой совокупности человека возможно полное и исчерпывающее изучение всех статистических констатированных конкретных массовых явлений демографической жизни во всем их разнообразии. При всяком другом изображении эта теоретическая полнота возможного исследования в большей или меньшей мере пропадает»². Исследование М. В. Птухи явилось первой обобщающей разработкой проблем формальной демографии в отечественной литературе, которое создало необходимую методологическую и методическую базу для исследования в области прикладной демографии с учетом новейших для того времени достижений демографического анализа.

В конце XIX — начале XX в. был сделан определенный шаг вперед в изучении социальной структуры населения, миграций, что значительно расширило круг демографических исследований. Заметный вклад в этом направлении был сделан трудами А. С. Бориневича по изучению населения Одессы, А. А. Русовым, К. Г. Воблым³ и др.

Следует отметить, что, несмотря на определенные успехи в развитии демографии, буржуазные ученые, в силу своей классовой ограниченности, игнорировали марксистско-ленинские методологические положения и оценки социально-классовой структуры и роли миграции в жизни капиталистической России, что существенно

¹ См.: *Птуха М. В.* Очерки по теории статистики населения и моральной. — Записки юридического факультета Петроградского университета. Пг., 1916.

² *Птуха М. В.* Указ. соч., с. 206—207.

³ См., в частности: *Русов О.* Про заняття українців по перепису 1897 р. Київ, 1909; *Воблый К.* Третья профессионально-промышленная перепись в Германии (опыт аналитико-методологического исследования). Киев, 1911, т. 1; *его же.* Заатлантическая эмиграция, ее причины и следствия (опыт статистико-экономического исследования). Варшава, 1904.

снижало научную ценность их работ. Более того, буржуазная наука начала XX в. на Украине при изучении социальной структуры населения и миграции сделала шаг назад по отношению к прогрессивной для своего времени программе изучения социально-экономической жизни населения, составленной Н. И. Зибером. Это свидетельствовало о методологическом кризисе, охватившем буржуазную экономическую науку России, в том числе и Украины, в канун крушения буржуазно-помещичьего строя.

В целом система демографических знаний в начале XX в. переживала еще процесс становления, наиболее развитой ее частью являлась демография в узком смысле, ограниченная изучением естественного движения населения. В меньшей степени были изучены вопросы социальных переходов и миграции, их роль как опосредствующего звена процессов брачности, рождаемости, смертности. Отсюда проистекает неравномерность развития отдельных частей демографического знания, заметная их обособленность, что в полной мере было характерно и для состояния демографической науки на Украине.

Очевидно, недостаточная зрелость системы демографического знания объясняла и ту парадоксальную ситуацию, что некоторые ученые, немало сделавшие для развития отечественной демографии, рассматривали ее либо как одну из отраслевых статистик (А. А. Русов, К. Г. Воблый и др.), либо сводили статистику как самостоятельную науку, имеющую свой собственный предмет исследований, к «статистике населения и моральной» (М. В. Птуха). Своеобразным отголоском подобных взглядов явилась статья Е. А. Шабля, в которой доктринальные работы украинских ученых по демографии без каких-либо оговорок зачислены в разряд отраслевых статистических¹.

В целом демография на Украине в досоветский период прошла долгий исторический путь, насчитывающий без малого столетие. За это время было накоплено немало оригинальных научных идей, систематизирован большой эмпирический материал. Успехи прогрессивных исследователей были обусловлены широкой поддержкой со стороны передовой научной общественности России, которая выражалась в обмене идеями, в их пропаганде в печати, в личных контактах ученых.

¹ См.: Шаблій Е. А. Статистична думка на Україні в період імперіалізму. — В кн.: Історія народного господарства та економічної думки Української РСР. Київ, 1977, вип. 11, с. 93.

ОБ ИЗУЧЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ЛАТВИИ В XIX—XX в.

В заголовке статьи в качестве первого рубежа указан XIX в. Строго говоря, надо было назвать чуть более раннее время. К изучению народонаселения на нынешней территории Латвии начали обращаться по крайней мере уже в последней трети XVIII в., когда появились работы А. Гупеля, Б. Кампенгаузена и Г. Шторха¹. В них впервые были опубликованы некоторые данные за 1770—1790 гг. о численности населения, рождаемости, брачности и смертности по ряду территорий Латвии.

В последующие десятилетия вплоть до второй половины XIX в. данные о народонаселении приводились в основном в топографических описаниях местностей (О. Гун, А. Орановский, Ф. Веймарн и др.). Эти работы примечательны тем, что по ним зачастую можно представить социально-экономические условия, в которых протекали демографические процессы.

О. Гун, приводя данные о количестве браков в Риге за 1787—1797 гг., сопровождает их яркой характеристикой мотивов формирования брачных пар среди представителей имущих слоев феодального города в период зарождения капиталистических отношений. Бракосочетания в Риге «нередко заключают по интересам и политическим видам, в первом случае для приобретения большего капитала по торговле, а в последнем — для получения знатности, достоинств, чинов и приверженности других»².

В целом же развитие демографических знаний в конце XVIII и первой половине XIX в. на территории Латвии, по существу, проявлялось в накоплении статистических сведений о демографических явлениях и процессах.

¹ *Hupel A. W.* Topographischen von Lief — und Ehtland. Bd. 2. Riga, 1777; *Campenhausen B.* Fünf kameralistische Tabellen über die Stadthalterschaft Riga, betreffend deren Volksmenge, Geburts — und Sterbeverhältniss, Seehandel, Einkünfte und Ausgaben. Riga, s. a.; *Storch H.* Materialien zur Kenntniss des Russisches Reichs. Bd. 2. Leipzig, 1798.

² *Гун О.* Топографическое описание г. Риги с присовокуплением врачебных наблюдений, сочиненное в 1798 г. Спб., 1803, с. 113.

На первоначальное формирование знаний о народонаселении в Латвии серьезный отпечаток наложило то обстоятельство, что фактически этим занимались только представители привилегированных и имевших преимущества в получении образования немецких сословий, которые многие столетия подвергали колонизации латышскую землю. Не случайно поэтому, что основополагающее место в изучении народонаселения Латвии в ту пору занимала известная работа прусского лютеранского священника И.-П. Зюссмильха. Не вдаваясь в ее подробное рассмотрение, отметим реакционную роль тезиса Зюссмильха о «божественном порядке в изменениях человеческого рода» в определении идейного направления взглядов на народонаселение.

Начиная с последних десятилетий XVIII в. стали раздаваться голоса тех, кто не разделял эти догмы. Так, известный в Прибалтике немецкий просветитель-демократ Г. Меркель был убежден, что в условиях, когда семейная жизнь крестьян зависит от прихотей господина, когда люди до самой смерти находятся во власти нужды и голода, невозможен прирост населения. В частности, Г. Меркель писал: «Единственно там умножаются люди, где они живут хорошо, и когда постоянно голодающему крепостному нет даже сил придти в отчаянье, тогда он чувствует только весьма слабое побуждение дать жизнь другим существам ...»¹.

В начале второй половины XIX в. к изучению народонаселения все чаще стали обращаться и собственно латышские исследователи. Например, Г. Алуанс сделал обзор естественного движения населения по части территории Курляндской губернии², а его брат — Ю. Алуанс, видный представитель просветительного движения так называемых младолатышей, писал о проблеме взаимосвязи роста народонаселения и экономики³.

Дальнейшее развитие знаний о народонаселении в Латвии неразрывно связано с совершенствованием статистики населения в 60—80-х годах XIX в. В 1863 г. была проведена перепись населения в Курляндской губернии, а в 1867 г. — в городах Лифляндской губернии. Перепись населения Прибалтийских губерний, проведенная

¹ *Merkelis G. Izlase. R., 1969, 150. lpp.*

² *Alunāns H. Kurzemes laudis un vide. R., 1867.*

³ *Alunāns J. Tautas saimniecība. Jelgava, 1867.*

в 1881 г., по широте программы и организации считается одной из лучших переписей населения, проведенных за все время существования царской России (хотя из-за сопротивления местных жителей перепись так и не удалось провести в Илукстском уезде Курляндской губернии).

Сравнительно хорошо поставленный учет рождений, браков и случаев смерти, осуществляемый церковными приходами, и активная работа местных статистических органов позволили получать достаточно достоверные данные о естественном движении населения на большей части территории Латвии уже начиная со второй половины 1840-х годов. С 1881 г. текущая регистрация населения была усовершенствована введением карточной системы учета со значительно расширенной программой наблюдения.

Начиная с 60-х годов XIX в. статистические органы Лифляндской и Курляндской губерний, а также Риги приступили к систематическому опубликованию данных статистики населения. Изданные Ф. Юнгом-Штиллингом, Р. Экгардтом и В. Андерсом в 1863—1876 гг. сборники статистических данных содержали, как правило, аналитические обзоры естественного движения населения, что свидетельствовало о зарождении описательной демографии — качественно новой ступени демографической мысли.

Уровень описательной демографии в Латвии заметно вырос в 80-х годах XIX в., что объясняется не только совершенствованием статистики населения. Социально-экономические реформы, осуществленные на большей части территории Латвии в 1860-х годах (упразднение барщинной аренды и продажа земли в собственность крестьянам, предоставление им свободы передвижения и отмена ограничений в выборе занятий), существенно изменили дальнейший ход демографических процессов, что, в частности, объяснялось массовым уходом сельчан, в основном холостой молодежи, в города. Все усиливающееся в условиях развития капитализма в Латвии перераспределение рабочей силы между селом и городом и определенное распространение внутрисемейного регулирования рождаемости не могло не привлечь внимание ученых к проблемам народонаселения.

Ярким примером ранней стадии описательной демографии в Латвии явился опубликованный в 1886 г. объемистый труд Н. Карлберга «Движение населения в

Лифляндской губернии в 1873—1882 гг.»¹, в котором дан последовательный и подробный анализ демографической ситуации в губернии. Ретроспективному изучению движения населения по метрическим записям некоторых приходо-ходов за почти полувековой период были посвящены диссертации на соискание степени доктора медицины, написанные Э. Каспаром и К. Шнейдером, но из-за неумелого применения статистических методов ничего нового для развития науки они не дали. Обширные статистические описания демографических процессов произвел Я. Лудмер, который провел анализ опубликованных в 1888 г. данных статистики населения по Курляндской губернии².

Упомянутые представители описательной демографии в целом были приверженцами теории А. Кетле и его последователей. Так, Я. Лудмер писал: «Постоянства менее всего можно было ожидать в деле заключения браков, являющихся ведь результатом свободного решения индивидуальной воли... А между тем и эта индивидуальная воля, как видно, чужда всякой случайности... Изучение цифр о браках убеждает в существовании законов правильных, постоянных и чрезвычайно любопытных...».

На основании этой теоретической концепции Я. Лудмер сделал вывод «о возможности предсказаний не только того, сколько состоится браков в губернии в течение того или другого года, но и того, сколько женихов и невест будет в том или ином возрасте» и привел в своей работе прогностические расчеты брачности населения Курляндской губернии³.

Быстрому развитию описательной демографии в Латвии способствовало и то, что к этому времени буржуазная демография в ряде стран (в том числе и в России) уже сделала важные шаги в своем развитии. В работах вышеупомянутых исследователей имеются ссылки на труды не только И.-П. Зюссмильха и А. Кетле, но и В. Лексиса, У. Фарра, Ю. Янсона, Г. Майра и др. В 1892 г. принципы описательной демографии были закреплены в издании «Статистического ежегодника города Риги», который содержал также исключительно редкое по своей тематике исследование Б. Рейхберга «Расторжение браков в Риге в 1881—1890 гг.»

¹ *Carlberg N.* Die Bewegung der Bevölkerung Livlands in den Jahren 1873—1882. — *Baltische Monatsschrift*, 1886. Bd. 33.

² См.: *Лудмер Я.* Курляндская губерния. Свод статистических данных. Митава, 1888, ч. 1.

³ *Лудмер Я.* Указ. соч., с. 73, 89.

Особое место в развитии демографической мысли в Латвии занимали работы уроженца Лифляндии латышского статистика К. Баллода (с 1906 г. — профессор Берлинского университета). Широко известен его совместный с Л. Бессером труд «Смертность, возрастной состав и долговечность православного народонаселения обоего пола в России за 1851—1890 гг.» (Спб., 1897). В этой работе, в частности, было показано, что смертность населения в Прибалтике была значительно ниже общероссийского уровня и ниже, чем в Германии. К. Баллод занимался также демографическими прогнозами, разработкой статистических показателей измерения степени нагрузки общества непроизводительным населением, продолжительности жизни и другими исследованиями.

Вступление России в эпоху империализма сопровождалось кризисами в промышленности и сельском хозяйстве, усилением эксплуатации трудящихся. Новые тенденции стали обнаруживаться и в процессах воспроизводства населения. Известно, что в предреволюционный период смертность в Прибалтийских губерниях была одной из самых низких в Российской империи. Именно здесь начался процесс снижения рождаемости.

Буржуазные ученые, занимавшиеся проблематикой населения Латвии, были неспособны дать научное объяснение этого процесса, чаще всего толковали его с чисто идеалистических позиций. Так, Б. Шренк, изучая накануне первой мировой войны причины снижения уровня рождаемости, утверждал, что ухудшение условий жизни и повышение цен не могут быть отнесены к числу этих причин. Истинные причины следует искать, по его мнению, не «во внешних обстоятельствах, а во взглядах людей и их свободной воле»¹.

Отметим, что в 1919 г. с установлением Советской власти в Латвии Советское правительство во главе с П. Стучкой в числе первоочередных определило мероприятия и в области народонаселения, однако военная интервенция и установление господства националистической буржуазии сорвали их реализацию.

Развитию демографических исследований в буржуазной Латвии способствовало проведение в 1920, 1925, 1930, 1935 гг. переписей населения. С 1921 г. была введена гражданская регистрация событий естественного движения населения.

¹ Schrenk B. Beiträge zur Statistik der Riga, R., 1913.

Во второй половине 1920-х годов демограф и статистик М. Скуениекс одним из первых пришел к выводу о том, что в буржуазной Латвии создалась реальная угроза депопуляции¹. Его предсказание подтвердил прогноз численности населения Латвии до 2000 г., который рассчитал Э. Булмеринкс в начале 1930-х годов².

Если в предшествующий период имело хождение мальтузианство, то теперь, в условиях нависшей угрозы депопуляции в Латвии, доминирующей стала концепция недостаточности населения швейцарского демографа Л. Герша, которую образно назвали «мальтузианство на выворот». Он объяснял экономические кризисы, безработицу и нищету снижением рождаемости и слишком малым количеством населения.

Изучению рождаемости, причин ее низкого уровня и поиску путей увеличения детности семей были посвящены обстоятельные труды Р. Фрейвалда и О. Пинкиса³. В период буржуазной Латвии был опубликован ряд работ по другим аспектам воспроизводства населения, но они, особенно работы М. Скуениекса, преимущественно служили националистическим целям.

Осознание угрозы депопуляции Латвии и достаточно высокий уровень развития описательной демографии обусловили разработку предложений по улучшению демографической ситуации, направленных в первую очередь на повышение рождаемости. Среди многообразия различных предложений стройностью, последовательностью и конструктивностью выделялась система мероприятий по улучшению демографической ситуации, которую выдвинул В. Салнитис и в последующем дополнил П. Старцс⁴. По существу, эти предложения определили основные принципы демографической политики в последующие годы буржуазной Латвии и были направле-

¹ *Skujenieks M. Latvija. Zeme un iedzīvotāji.* R., 1927.

² *Bulmerincq E. Die zukünftige Bevölkerungsentwicklung in Letland.* R., 1935.

³ *Freijvalds R. Latviešu tautas mūzs.* R., 1936; *Pinkis O. Daudzbernu ģimenes un to atbalstīšana Latvija.* R., 1938.

⁴ *Salnitis V. Iedzīvotāju problēma.* — *Ekonomists*, 1936, № 3, 96—101. Ipp.: *Starcs P. Kas darīts, kas vēl jā dara tautas dzīva spēka pieauguma veidosanai.* R., 1939.

ны в основном на формирование семей с несколькими детьми.

В 1920—30-е годы были проведены и некоторые исследования в области исторической демографии. Э. Дунсдорф разработал методику расчета численности населения по материалам так называемых ревизий плугов, которые на территории Латвии в XVII в. проводили шведы. Он же исследовал взаимосвязь брачности и урожайности на территории Латвии в 1840—90-х годах. Перу Э. Дунсдорфа принадлежит также работа о динамике численности населения Риги за 250 лет¹.

Отдельные исследования были выполнены также по региональной и медицинской демографии, результаты которых нашли отражение в официальных статистических изданиях на латышском языке: «Статистический ежегодник Латвии», «Статистика здоровья населения» и др.

После восстановления Советской власти в Латвии в 1940 г. исследованием проблем народонаселения занимались преимущественно работники органов статистики.

Сразу после Великой Отечественной войны попытку изучения демографического развития населения в связи с коренными социально-экономическими изменениями, начавшимися в социалистической Латвии, и выявлением последствий Великой Отечественной войны и фашистской оккупации 1941—1945 гг. предприняло Научно-методическое бюро санитарной статистики Министерства здравоохранения Латвийской ССР. В частности, констатировался определенный подъем брачной активности во второй половине 1940 г. и в первой половине 1941 г., который привел к некоторому росту рождаемости. Было установлено, что в период фашистской оккупации Латвийской ССР существенно снизилась численность населения республики, огромных размеров достигла насильственная смертность, особенно в период фашистского разгула в 1941 и 1942 гг.

Отдельные демографические разработки были выполнены в конце 1940-х — первой половине 50-х годов (Л. Стародубский, Э. Широн), но более широко исследования народонаселения в Латвийской ССР развернулись в 1960-х годов. Немаловажное значение в этом имела

¹ *Dunsdorfs E. Rīgas pilsetas iedzīvotāju skaita attīstība 250 gados.* — *Senatne un māksla*, 1936, № 3.

Всесоюзная перепись населения 1959 г. Это была первая Всесоюзная перепись, включавшая и территорию Латвийской ССР. В начале 1960-х годов были построены полные и краткие таблицы смертности для населения Латвийской ССР, в том числе горожан и сельчан и населения латышской национальности за 1958—1959 и 1961—1962 гг. В начале 1960-х годов вышла брошюра Б. Межгайлса о населении Советской Латвии¹.

В 1960-х годах основное внимание было уделено исследованию проблем трудовых ресурсов, над которыми работали главным образом ученые Института экономики АН Латвийской ССР (П. Гулян, Б. Межгайлс, К. Ципе, П. Эглите)².

Со второй половины 1960-х годов в республике для изучения демографических процессов и явлений систематически проводились социально-демографические обследования. В 1966—1967 гг. Латвийское отделение НИИ ЦСУ СССР совместно с Министерством здравоохранения Латвийской ССР (П. Звидриньш, Б. Межгайлс, Я. Рудзат, Ш. Шлиндман) провели одно из самых крупных в стране обследований женщин по вопросам рождаемости. По обширной программе были опрошены 14 тыс. женщин, брак которых зарегистрирован в 1959 г. Впервые в масштабе одной союзной республики был осуществлен опрос женщин по вопросам планирования семьи.

В 1967—1968 гг. теми же организациями было проведено новое обследование. При помощи медицинских работников было опрошено 9,1 тыс. женщин, находившихся в стационарах по поводу аборта. Эти материалы послужили основным статистическим материалом для всестороннего и глубокого исследования наиболее актуальной проблемы Латвийской ССР — проблемы рождаемости³.

Рост частоты разводов обусловил необходимость более глубокого исследования контингента разводящихся, мотивов и причин разводов. С этой целью в 1969 г. впервые было проведено специальное обследование супругов, расторгающих брак. Во всех народных судах республики

¹ См.: *Межгайлс Б.* Население Советской Латвии. Рига, 1961 (на латыш. яз.).

² См.: *Трудовые ресурсы Латвийской ССР.* Рига, 1964; *Трудовые ресурсы Прибалтийских советских республик.* Рига, 1967; *Социально-экономические проблемы формирования трудовых ресурсов.* Рига, 1971 (на лат. яз., резюме на рус. яз.).

³ См.: *Шлиндман Ш. И., Звидриньш П. П.* Изучение рождаемости. М., 1973.

и в ряде отдельных бюро загсов было опрошено почти 3 тыс. лиц, расторгающих брак.

Развитие народонаселения Латвии за длительный период, проблемы естественного воспроизводства и миграции населения, а также вопросы занятости были рассмотрены в обстоятельной работе Б. Межгайлиса и П. Звидриньша «Население Советской Латвии»¹. В ней представлен богатый фактический материал, сделаны некоторые теоретические обобщения.

В 1970-х годах усилились демографические исследования в Латвийском государственном университете им. П. Стучки². Преподавателями и аспирантами университета были организованы многие специальные обследования по изучению частных проблем народонаселения: в 1973 г. — обследование старых людей, в 1975 г. — одно из крупнейших в стране (выборочная совокупность — 1154 пары) обследований молодоженов; в 1977 г. повторно изучались контингент разводящихся и причины разводов — изучены материалы 1000 бракоразводных дел; в 1979 г. было осуществлено обследование 1356 студентов, имеющих детей, и детально изучалось репродуктивное поведение студенчества.

Отдельная работа посвящена исследованию эволюции и дифференциации смертности населения³, составлены таблицы дожития, дифференцированные по причинам смерти. Вопросы исследования закономерностей заболеваемости и смертности населения Латвийской ССР освещаются и в трудах ученых-медиков (В. Канеп, С. Соломонов и др.), а также в некоторых статьях Э. Витолиньша.

На основании материалов обследования рабочих, занятых в материальном производстве (4,1 тыс. человек), и шкал потребления впервые в Латвийской ССР (и пока единственной из союзных республик) составлены экономические возрастные пирамиды (М. Звидриня). Эти разработки позволили оценить эффективность трудовой деятельности населения, более основательно приступить к определению параметров демографического оптимума.

¹ См.: *Межгайлис Б., Звидриньш П.* Население Советской Латвии. Рига, 1973 (на лат. яз.).

² Курс демографии в ЛГУ им. П. Стучки преподается с 1968 г. В 1976 г. был издан первый на латышском языке учебник «Демография» (автор П. Звидриньш). В первой половине 1979 г. на экономическом факультете создана кафедра статистики и демографии.

³ См.: *Круминец Ю., Звидриньш П.* Продолжительность жизни населения Советской Латвии. Рига, 1976 (на лат. яз.).

Уже длительное время в республике серьезное внимание уделяется изучению объемов и потоков межреспубликанской и внутриреспубликанской миграции. Для более глубокого изучения миграции сельского населения, межтерриториальной и межотраслевой подвижности населения трудоспособного возраста в республике за последние два десятилетия проведен ряд специальных опросов мигрантов.

С первой половины 1970-х годов некоторые латвийские демографы (П. Звидриньш, А. Лапиньш и Б. Межгайлис) и историки (Р. Брамбе и др.) занялись исследованиями в области исторической демографии. Новым направлением работы стала также страноведческая демография (З. Дзенис, П. Звидриньш, Ю. Круминьш, А. Лапиньш). Сотрудники Института экономики АН ЛатвССР разработали баланс времени населения и изучают особенности демографического поведения трудящегося населения.

Группа ученых по заданию ЦК КП Латвии изучала возможности стимулирования рождаемости в условиях республики. Совместными усилиями партийного актива, ЦСУ и ученых Латвийской ССР весной 1979 г. в Риге был проведен опрос 11,5 тыс. работающих матерей в возрасте до 35 лет, имеющих двоих и троих детей. Материалы опроса, раскрывающие конкретную демографическую ситуацию в общей совокупности молодых семей, условия их жизни и мнение о деторождении обстоятельно проанализированы в работе И. Андерсона¹.

Особенностью последних лет является то, что усилились исследования по теоретической демографии² и разработке активной политики народонаселения, особенно в области естественного воспроизводства населения.

Развитию демографических исследований в Латвии способствуют тесные контакты латышских ученых со специалистами ведущих демографических центров страны, особенно с Центром по изучению проблем народонаселения МГУ, НИИ ЦСУ СССР, ИСИ АН СССР, а также с отдельными группами ученых в Литве, Эстонии, Ленинграде и Киеве.

¹ См.: Андерсон И. А. Третий ребенок. Рига, 1979.

² См.: Социальные проблемы демографии в Латвийской ССР. Рига, 1977 (на лат. яз., резюме на рус. яз.); Элите П. Поведение индивида и демографическая ситуация. Рига, 1979 (на лат. яз.).

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ДЕМОГРАФИИ

Нет необходимости говорить о значении становления и развития советской науки в первые полтора-два десятилетия Советской власти. Ее исследователи убедительно показали, что именно в это время в ходе острой идейной борьбы она прочно встала на позиции диалектического материализма, и в ней окончательно утвердилось марксистско-ленинское мировоззрение.

Этот процесс, со своими особенностями, сложностями, а подчас и противоречивыми явлениями, шел в каждой из наук, в том числе и демографической. Советская демография не возникла на пустом месте. В XIX—начале XX в. статистика народонаселения, как чаще называли в России демографию, достигла определенного развития. Мы не будем останавливаться на ее характеристике, тем более, что в последние годы появился ряд новых работ по этой проблеме, а также критике тогдашних буржуазных концепций народонаселения¹.

Отметим только основное: молодой советской демографической науке нелегко было вырваться из старых схем, представлений и догм, постепенно выработать свой, единственно научный диалектико-материалистический подход к проблематике народонаселения. Вот почему первый период становления науки так сложен для исследования и особенно требует коллективных усилий. Понятно, что в настоящей статье мы коснемся только некоторых вопросов и постараемся лишь в общих чертах обозначить историю становления и развития советской демографии.

Великий Октябрь знаменовал начало коренных изменений в развитии народонаселения нашей страны. Уже

¹ См., например: Казаков А. Т., Урланис Б. Ц. Проблема народонаселения в русской марксистской мысли. М., 1975; Критика мальтузианских и неомальтузианских взглядов (Россия XIX—начала XX в.). М., 1978; Чертова Г. И. Смертность населения России в XIX в. по исследованиям современников. — В кн.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР/Под ред. А. Г. Вишневецкого. М., 1977.

в первые годы после победы Октября В. И. Ленин с особой силой раскрыл роль трудящихся масс как первой производительной силы всего человечества¹. Основатель и вождь Советского государства был не только корифеем науки, но и стоял у истоков формировавшейся советской науки, в том числе и советской статистики², поначалу традиционно включающей в себя и демографию.

Первая мировая, а затем гражданская войны, интервенция деформировали демографические процессы и привели к хаосу несовершенную систему их дореволюционного учета. Отсутствие единой государственной статистики в дореволюционной России, как известно, значительно тормозило развитие статистических и демографических исследований. Подлинно научные исследования проблем народонаселения стали возможны лишь в условиях развитой государственной статистики, начало которой было положено декретом СНК и ЦИК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18 декабря 1917 г. После отделения церкви от государства в январе 1918 г. были созданы загсы, что имело важное значение для статистики естественного движения населения.

25 июля 1918 г. Совнарком утвердил «Положение о государственной статистике». Ведение ее возлагалось на ЦСУ и его органы, в круг задач которых были включены: текущая статистика, статистические обследования и переписи, выпуск периодических изданий, сборников и монографий, установление контактов с международными статистическими учреждениями.

Именно тогда перед страной встал вопрос о подготовке статистических кадров, способных сначала наладить учет и контроль в стране, а затем создать новую советскую статистику. Решение этой проблемы предполагало привлечение на сторону Советской власти старых, дореволюционных кадров и подготовку новых специалистов на новой теоретической и статистической базе. Используя работников бывших земств и других учреждений, зани-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38. с. 359.

² См.: Рябушкин Т. В. В. И. Ленин и статистическая наука. — В кн.: Очерки по истории статистики СССР. Сб. 1. М., 1955; Шульгин И. П. В. И. Ленин о создании статистических органов в СССР. — Вестник статистики, 1955, № 1; Малый Н. Г. Вопросы статистики населения в трудах В. И. Ленина. М., 1963 и др.

мавшихся вопросами статистики, нужно было направить в правильное русло их деятельность, показать им насущные задачи, решение которых требовало их квалификации, знаний, эрудиции. Многие из них получили возможность после революции развернуть широкую и плодотворную научную деятельность. Среди тех, кто был привлечен к работе, оказались такие впоследствии известные ученые, как М. В. Птуха, С. А. Новосельский, В. В. Паевский, С. Г. Струмилин и многие другие.

Подготовка новых кадров требовала большого напряжения и усилий. В первые годы Советской власти приходилось готовить кадры не только в учебных заведениях, но и путем широкой подготовки и переподготовки работников статистических учреждений на специальных статистических курсах — центральных, межгубернских и губернских.

Началом подготовки советских статистиков с высшим образованием можно считать создание в 1921 г. статистического отделения на факультете общественных наук МГУ, просуществовавшего 3 года. Обширная программа обучения, в которой значительное внимание уделялось общественным наукам, способствовала подготовке не просто высококвалифицированных специалистов-статистиков, а статистиков-марксистов. Среди студентов этого отделения были А. Я. Боярский, В. Н. Старовский, Я. Б. Кваша, Б. Ц. Урланис и ряд других будущих ученых и организаторов советской науки. В связи с реорганизацией факультета общественных наук с 1 января 1925 г. студенты статистического отделения были переведены на такое же отделение МИНХ им Г. В. Плеханова, которое было создано в 1924 г.

Важной вехой в деле подготовки советских статистиков стал 1932 г., когда было принято решение о широком развертывании статистического образования, создании целой сети специальных статистических высших и средних учебных заведений, факультетов, курсов. Были созданы Московский институт народнохозяйственного учета (МИНХУ), позже переименованный в Московский экономико-статистический институт (МЭСИ), Воронежский статистический институт (1932—1941 гг.), факультеты народнохозяйственного учета в ряде вузов Украины, Белоруссии, Сибири и Средней Азии. Следует отметить, что специальное демографическое образование в то время еще не было налажено. В послереволюционный пери-

од быстро развивалось изучение естественного движения населения, статистика миграции, исчисление населения, демографическое прогнозирование, однако специальной подготовки демографов не велось. Таким образом, в 1920-е начале 30-х годов был заложен прочный фундамент статистического образования, и в это же время остро встал вопрос подготовки кадров специалистов-демографов.

Создание советской государственной статистики положило начало систематическому проведению переписей населения. Первая из них была проведена по состоянию на 28 августа 1920 г. Это была демографическо-профессиональная и сельскохозяйственная перепись с кратким учетом промышленных предприятий и учреждений народного образования.

По существующим оценкам она охватила около 72% населения. Ее данные были использованы при решении вопроса о замене продразверстки продналогом на X съезде РКП(б), при разработке плана ГОЭЛРО, для перспективных расчетов численности населения и построения баланса рабочей силы.

По состоянию населения на 15 марта 1923 г. была проведена городская профессионально-демографическая перепись, ставшая одной из составных частей общей городской переписи. Всероссийская городская перепись 1923 г. — единственная по своей тематике и характеру из числа переписей, проведенных в нашей стране за годы Советской власти. В 1925 г. был проведен учет профессионального состава персонала фабрично-заводской промышленности, который охватил все промышленные ценовые предприятия страны с числом занятых в них свыше 50.

Проведенная через четыре года после образования СССР, в декабре 1926 г., третья советская перепись населения являлась первой Всесоюзной переписью. Эта демографическая перепись вошла в историю переписей в нашей стране как классическая. Она была хорошо подготовлена организационно и программно-методически, явилась первой переписью, охватившей территорию всей страны. Ее материалы были использованы при составлении первого пятилетнего плана. Они стали основой многих текущих и перспективных демографических расчетов на протяжении 12-летнего периода до проведения Всесоюзной переписи населения 1939 г.

На основании данных переписи 1926 г. были впервые составлены подробные таблицы смертности населения СССР в территориальном разрезе, что послужило толчком к развитию теоретических работ и совершенствованию методов демографических расчетов. Таким образом, первые переписи населения (особенно 1920 и 1926 гг.) дали богатый материал и тем самым стимулировали развитие советской демографии¹.

В 1920-х — начале 30-х годов советская демографическая статистика находилась под воздействием ряда противоречивых тенденций. С одной стороны, все шире распространялась теория «отмирания» статистики в условиях социалистического общества, замены ее только учетом. С другой стороны, к этому времени были подвергнуты серьезной критике взгляды на демографические процессы как на биологические. Все более утверждалось положение о том, что явления, входящие в сферу изучения демографии, отражают в первую очередь глубинные социально-экономические процессы.

Под влиянием этого научного подхода в системе государственной статистики были образованы отделы социальной статистики, которые включали демографическую статистику (воспроизводство населения и его миграция), моральную статистику (преступность, самоубийства), статистику народного образования (школы, техникумы, вузы) и статистику здравоохранения (здравоохранение, заболеваемость и смертность от отдельных причин). Усиление внимания к социальной детерминированности демографических процессов, подчеркивание тесной связи различных отраслей статистики, характеризующих в совокупности социальную жизнь, — таков был объективный смысл организации отделов социальной статистики.

Главное, что уже в это время отличало советскую статистику от дореволюционной, — это освоение ею основных положений марксизма-ленинизма в их применении к статистической науке. В противоположность буржуазным ученым, считающим статистику либо только методом, либо же универсальной наукой, изучающей все массовые явления природы и общества, советские ученые рассматривали статистику как науку общественную, изу-

¹ См.: Павлов Г. А. Советские переписи населения (1920—1959). — В кн.: Советская статистика за полвека (1917—1967 гг.), М., 1972.

чающую количественную сторону процессов общественной жизни в неразрывной связи с их качественной стороной.

В этот период возрос также интерес к изучению бюджета и быта трудящегося населения, а также бюджета их времени. Инициатором и организатором большинства обследований стал видный ученый С. Г. Струмилин, возглавивший созданное в 1921 г. Центральное бюро статистики труда, которое явилось методическим центром по изучению численности и состава рабочих, условий их труда и быта¹.

Наряду с этим в первое десятилетие Советской власти было проведено значительное число конкретных демографических исследований. Они осуществлялись в таких научных учреждениях, как Демографический институт АН СССР (ДИН АН СССР), Институт демографии АН УССР, и в ряде других учреждений.

Созданный в 1930 г. в Ленинграде ДИН АН СССР по мысли его организаторов должен был вести в основном теоретическую и методическую работу, не касаясь исследований конкретного характера. Предполагалось, что он будет специализироваться на изучении процессов смертности, рождаемости, инвалидности, а также перспективных расчетов возрастного состава населения. Основной задачей являлся пересмотр того математического аппарата, который сложился в «чистой демографии» XIX — начала XX в.

Одной из основных работ института стало исследование методов расчета будущей численности и возрастно-полового состава населения, проводившееся под руководством С. А. Новосельского и В. В. Паевского. Перспективное исчисление возрастного состава населения требовало выполнения предварительных работ. На их основании был вычислен первый вариант возрастного состава населения СССР на 25 лет (на 1926—1951 гг.). Однако это был лишь предварительный вариант, который явился, по признанию самих авторов, только научной абстракцией, так как он основывался на неизменности показателей рождаемости и смертности. В связи с этим был построен новый вариант, методики и сами расчеты которого, к сожалению, не сохранились.

¹ См.: Быт, время, демография. М., 1968, ч. 1—3.

Действительный ход демографических процессов не подтвердил результатов перспективных расчетов, произведенных в ДИН, но они имели важное научное значение, так как наряду с прогнозом возрастного-полового состава населения СССР, разработанным С. Г. Струмилиным в начале 1920-х годов, явились первым опытом научно обоснованных демографических прогнозов для всей страны.

Другой значительной работой института была разработка методических приемов, которые бы позволили количественно оценивать смертность в массах населения, подверженных значительным миграциям. Этой темой с 1927 г. занимался В. В. Паевский. В результате была разработана общая методика исчисления смертности мигрантов, а также методика построения приближенных формул для получения коэффициентов смертности и проводились другие важные работы¹.

В 1932 г. в исследованиях института разрабатывалась методика экспедиционного обследования рождаемости и смертности населения окраинных территорий СССР, так называемого анамнестического метода, впервые примененного Г. А. Баткисом. Предполагалось критически рассмотреть установившуюся практику применения этого метода и проверить вновь разработанные приемы опытным путем. Работу над новой темой вели В. В. Паевский и А. П. Яхонтов. Практическим результатом работы явилась методика анамнестического изучения рождаемости и детской смертности в дифференцированных (по экономическому признаку) группах населения.

По поручению ЦСУ СССР С. А. Новосельский и В. В. Паевский возглавили составление таблиц смертности за 1926—1927 гг. по европейской части СССР и ее отдельным районам, а также по Сибирскому краю. Для Ленинграда были построены таблицы смертности в социальном разрезе².

Постановление СНК СССР провести на рубеже 1933

¹ См.: *Типольт А. Н.* Из истории Демографического института Академии наук СССР (1930—1934). — В кн.: Советская статистика за полвека (1917—1967 гг.), с. 88. Отметим также опубликованные в этом сборнике интересные воспоминания М. В. Куркина о ленинградских демографах конца 1920—30-х годов.

² См.: *Новосельский С. А., Паевский В. Е.* Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926—1927 гг. М. — Л., 1930; *Таблицы смертности населения Ленинграда за 1910—1911, 1920 и 1923 гг.* — В кн.: *Материалы по статистике Ленинграда и Ленинградской губернии.* Л., 1926, вып. 6.

и 1934 г. Всесоюзную демографическую перепись определило новую тему работ института, который начал широкую подготовку к ней. В начале 1934 г. вышел в свет том «Трудов Демографического института», ставший единственным. Однако перепись населения, планировавшаяся на 1933—1934 гг., была отложена. Работа ДИН в связи с переездом АН СССР в Москву постепенно сворачивалась, а в 1934 г. он прекратил свое существование. Тем не менее его деятельность не прошла бесследно. Она явилась частью научных работ в стране, связанных непосредственно с развитием народного хозяйства, а также сыграла свою роль в некоторых последующих демографических исследованиях.

Образование в 1919 г. по инициативе М. В. Птухи Демографического института АН УССР было первой в истории советской демографии попыткой создать специальное научное учреждение для углубленного изучения проблем народонаселения¹. В первые годы объективные трудности не давали возможности институту широко развернуть научную деятельность. В связи с этим его сотрудники занимались упорядочением данных о населении Украины за дореволюционный период. Под руководством М. В. Птухи были построены первые для Украины таблицы смертности, а также проведено исследование индексов брачности и некоторые другие работы.

В 1923—1926 гг. институт установил тесные контакты с ЦСУ СССР, ЦСУ УССР и с плановыми органами. По поручению ЦСУ СССР под руководством Ю. А. Корчака Чепурковского было подготовлено два статистических сборника по вопросам населения. Кроме этого было закончено несколько исследований сотрудников института.

В 1926—1930 гг. центральное место в работе института заняло изучение проблем воспроизводства населения, в первую очередь смертности. В результате этих исследований был предложен новый метод построения таблиц смертности для СССР. Впервые были исчислены уровни и динамика смертности, выявлены наиболее существенные причины особенностей смертности для разных групп населения, исчислена средняя продолжительность предстоящей жизни. Эти работы имели большое практическое значение для нужд планирования, а также для развития советской демографической науки.

¹ См.: Пустоход П. И. Институт демографии Академии наук УССР (1919—1938). — В кн.: Советская статистика за полвека (1917—1967).

С 1933 г. главным направлением исследований института становится история статистики. М. В. Птухой были подготовлены «Очерки по истории статистики XVII—XVIII вв.» и материалы для двух фундаментальных томов «Очерков по истории статистики в СССР». Названные работы были изданы позже — в 1945 г. и в начале 1950-х годов. В июне 1938 г. институт по постановлению АН УССР был расформирован.

В демографической статистике советские ученые вели успешную борьбу с проявлениями мальтузианства и других реакционных теорий, настойчиво овладевали марксистско-ленинской теорией народонаселения. В статистике здравоохранения они боролись с односторонней оценкой буржуазными учеными санитарного состояния населения по показателю смертности и отстаивали необходимость комплексной его оценки. Санитарно-демографические исследования получили в 1920-е годы значительное развитие. В проведении этих исследований принимали участие такие известные ученые, как С. А. Томиллин, А. М. Мерков, Г. А. Баткис, П. И. Куркин, С. А. Новосельский, Л. С. Каминский, И. А. Кувшинников и др.

Одним из первых советских демографических исследований в этом аспекте явилась книга Б. Я. Смулевича «Заболеваемость и смертность в городах и местечках БССР» (Минск, 1926). В ней был осуществлен анализ демографических проблем с социально-гигиенической, экономической и социологической точек зрения. Освещение ряда демографических вопросов связывалось с критикой буржуазных теорий. Два года спустя Б. Я. Смулевич опубликовал статью «К международной дискуссии о статистике заболеваемости и задачах статистического исследования СССР в этой области»¹, в которой выступил за развитие марксистско-ленинской демографии и социальной гигиены.

Отметим также, что в рассматриваемый период времени, особенно в 1920-е годы, демографические обследования проводились также сотрудниками Государственного института социальной гигиены под руководством Г. А. Баткиса. Применяя анамнестический метод, его сотрудники изучали особенности демографических процессов среди калмыков, даргинцев, аваров и др. В дальнейшем этот метод был распространен и на изучение демографических процессов среди некоторых социальных

¹ Вестник статистики, 1928, № 4.

групп — вологодских крестьян, фабричных работниц. Выборочные анamnстические исследования являются в настоящее время одним из основных средств всестороннего изучения факторов рождаемости в СССР и за рубежом.

Материалы переписи предоставляли возможность анализировать структуру населения СССР. Так, в 1929 г. вышла монография А. И. Гозулова «Морфология населения», в которой автор дал характеристику структуры населения основных этнических групп Северо-Кавказского края в динамике за 30 лет¹. Вопросу динамики численности населения России были посвящены монографии Е. З. Волкова «Динамика населения СССР за 80 лет» (М. — Л., 1930), а также ряд статей.

Советские демографы не ограничивались анализом прошлого и настоящего, но и пытались заглянуть в будущее. В 1922 г. С. Г. Струмилин разработал первый прогноз численности населения в СССР². Автор сделал расчет возрастнo-половой структуры населения России за 1920—1941 гг., т. е. почти на 20 лет вперед. Расчеты оказались верными. К концу 1926 г. согласно прогнозам численность населения России должна достигнуть 142 млн. человек, фактически же она составила 147 млн. человек. Если учесть, что в расчетах С. Г. Струмилина часть территории не была охвачена, то близость прогноза к действительным цифрам становится еще большей. Автор предполагал, что к концу 1941 г. в стране будет 174,7 млн. человек, фактически же (если исключить население бывшей Дальневосточной республики, а также Хивы и Бухары) численность населения СССР не превышала 170 млн. Расхождение с действительностью выразилось примерно в 3%, что для прогноза на 20 лет является ошибкой незначительной.

Советская демография зарождалась и складывалась на принципиально новой методологической основе — на базе диалектического и исторического материализма. Уже в 1920-е годы в некоторых работах советских ученых значительное место занимали такие методологические вопросы, как вопросы о предмете демографии, проблема соотношения социального и биологического в трактовке

¹ См.: Гозулов А. И. Морфология населения. Опыт изучения основных свойств населения Северо-Кавказского края по данным трех народных переписей 1926, 1920, 1897 гг. М., 1929.

² См.: Струмилин С. Г. Наши трудовые ресурсы и перспективы. — В кн.: Хозяйственное строительство. М., 1922, вып. 2.

демографических явлений и ряд других. Большое количество эмпирических исследований требовало теоретического обобщения проблем народонаселения на марксистско-ленинской основе. В 1926 г. появилась книга Л. Г. Паперного «Проблемы народонаселения с точки зрения марксистской социологии», в которой был подвергнут критике мальтузианский подход к исследованию народонаселения. Автор работы коснулся проблемы законов народонаселения.

Выработка марксистско-ленинского понимания проблемы соотношения социального и биологического в трактовке демографических процессов шла сложными путями, в острой полемике представителей различных направлений. Так, например, дискуссии по этому вопросу содержатся в обширной литературе 1920-х — начала 30-х годов по аграрному перенаселению и переселениям.

Биологизация демографических процессов прослеживается и в работах некоторых демографов того времени, особенно среди пришедших из дореволюционной науки. Так, С. А. Новосельский выделял лишь одну проблему народонаселения — причинную зависимость чрезмерно большой численности населения или слишком быстрого или медленного роста его, с одной стороны, и производственными возможностями и средствами, с другой стороны, и трактовал ее с биологических позиций. По мнению С. А. Новосельского и теория, и проблема народонаселения имеют в виду исключительно количественную сторону вопроса, а вопросы качества населения должны рассматривать евгеника, санитария, социальная гигиена¹.

Биологизация демографических процессов С. А. Новосельским и рядом других ученых была подвергнута критике. Так, Б. Смулевич и А. Шевелев писали: «Такое толкование демографии стоит в глубоком противоречии с теми изменениями, которые в это понятие вносит социальное понимание роли населения в народном хозяйстве и социально-культурном развитии СССР»². По мнению авторов, население нельзя рассматривать изолированно, вне его взаимодействия с социальной средой. Социальные и биологические элементы в процессе воспроизводства населения увязываются не механически, а диалекти-

¹ См.: Новосельский С. А. Теория и статистика населения. Энциклопедический словарь Гранат, 7-е изд., т. 41, ч. VII, с. 358.

² БСЭ. М., 1930, т. 20, с. 227.

чески. Вместе с тем элементы вульгарно-социологического подхода к изучению демографических процессов привели этих авторов к выводу о том, что демография входит в более широкое комплексное понятие «социальная статистика». «Только в порядке условного разделения можно мыслить демографию как раздел социальной статистики, не имеющей, однако, права на изолированное положение»¹.

Следует отметить, что термин «демография» употреблялся в этот период и особенно на рубеже 1920—30-х годов для обозначения понятий, различных по своему содержанию. Одни авторы толковали демографию как теорию населения, другие — как статистический метод изучения населения. Б. Смулевич и А. Шевелев видели выработку верной трактовки проблем населения в новых социальных условиях, в развитии социальной статистики. А. А. Кауфман считал, что статистика населения (демография) в ближайшем будущем войдет в особую науку как отрасль социологии².

Определенный интерес представляют взгляды на предмет демографии М. В. Птухи. Он фактически не считал демографию самостоятельной конкретной общественной наукой, а рассматривал ее лишь как отрасль статистики³. Однако М. В. Птуха оставляет открытым вопрос о том, какая наука должна изучать те качественные закономерности, которые определяют и демографические процессы, и движение народонаселения в целом.

Значительный вклад в разработку методологических проблем науки о населении внес выдающийся советский демограф Ю. А. Корчак-Чепурковский. В работе «О методах изучения воспроизводства населения» он писал, что, несмотря на значительное количество интересных демографических исследований, «до сих пор нет систематически разработанной общей теории воспроизводства населения»⁴. Ученый подверг критике основные течения буржуазной демографии, противопоставив им марксистско-ленинское объяснение сущности демографических процессов. Особый акцент в ряде работ он делает на необходимость качественного анализа демографических

¹ БСЭ, т. 20, с. 229.

² См.: Энциклопедический словарь Гранат, т. 41, ч. IV, с. 414.

³ См.: Птуха М. В. Очерки по статистике населения. М., 1960, с. 37.

⁴ Корчак-Чепурковский Ю. А. Избранные демографические исследования. М., 1970, с. 18.

процессов, показывает подчиненный характер количественного анализа качественному.

Ю. А. Корчак-Чепурковский близко подошел к идее о сложной системе факторов, влияющих на воспроизводство населения. Ему также принадлежит мысль о рассмотрении «воспроизводства населения (в частности, рабочей силы) как момента воспроизводства производственных отношений»¹. Ученый наметил определенную программу качественного анализа проблем народонаселения. Изучение воспроизводства населения разных общественных классов, дифференциация факторов рождаемости и смертности, процессы межклассового обмена рабочей силой, вопросы трудовых ресурсов — все это, по его мнению, входит в понятие «воспроизводство населения» в широком смысле этого слова. Таким образом, Ю. А. Корчак-Чепурковский уже в 1920-е годы предвосхитил постановку ряда актуальных проблем народонаселения и наметил верные методологические подходы к их решению.

Значительный вклад в развитие теоретических основ демографии внес известный украинский ученый С. А. Томилин. Он одним из первых в отечественной демографии и социально-гигиенической литературе начал заниматься экономикой народонаселения. С. А. Томилин не отождествлял «экономикку населения» с современным понятием «экономическая демография». Экономика населения, по его мнению, должна не просто исследовать влияние на производство средств к жизни (экономическое воспроизводство) демографических процессов и структур, но быть конструктивной наукой, разрабатывать пути и методы рационализации воспроизводства населения с точки зрения оптимизации затрат общественного труда². С. А. Томилин был также одним из пионеров постановки вопроса о качестве населения (с точки зрения квалификации и генетического здоровья). Работы этого ученого и сейчас звучат актуально, поскольку в них содержатся ценные научные наблюдения и выводы.

Исследования 1920-х — начала 30-х годов показали плодотворность изучения населения с самых различных точек зрения. В. В. Паевский, выступая за создание Демографического института Академии наук СССР, гово-

¹ Корчак-Чепурковский Ю. А. Указ. соч., с. 47.

² См.: Томилин С. А. Демография и социальная гигиена. М., 1973, с. 133.

рил: «Только в таком научном учреждении, как Академия наук, возможно сотрудничество и авторитетные указания представителей столь разнообразных научных дисциплин, какие теснейшим образом соприкасаются с научной демографией. Здесь необходимо сотрудничество демографии с краеведением и медицинскими науками, с математикой, математической статистикой, евгеническими дисциплинами и с целым рядом дисциплин политико-экономического характера»¹. Так, уже в конце 1920-х годов был поставлен вопрос о необходимости комплексного изучения проблем народонаселения.

А. П. Яхонтов (сотрудник ДИН АН СССР) так оценивал состояние демографии как науки в начале 1930-х годов: «Не получив еще строгого и совершенно ясного оформления, демография находит свой материал разкиданным по различным областям знания... Уяснение и разрешение этих противоречий — одно из очередных задач демографии»².

В 1934 г. была опубликована статья Б. Я. Смудевича «Усилить внимание демографическому фронту». В ней автор определил основные задачи демографии на этапе социалистического строительства, отметил необходимость сотрудничества различных наук в изучении народонаселения. Б. Я. Смудевич выделил ряд актуальных направлений изучения: изучения структурных сдвигов населения города и деревни, условий труда и быта, их влияния на воспроизводство населения; исследование проблем миграции в связи с набором рабочей силы и расселение населения в зависимости от нового размещения производительных сил; рассмотрение проблем внутренних ресурсов города и вовлечения женщин в производительный труд. Важной задачей демографии, как считал он, является разоблачение буржуазных теорий во всех областях и проблема воспроизводства населения в колониальных странах³. Эта статья занимает значительное место в истории становления советской демографии. Порядку вопросов она сохраняет актуальность и сейчас.

Итак, период 1920-х — начала 30-х годов является переломным в истории отечественной науки о народонаселении. Это были годы становления советской демографи-

¹ Типольт А. Н. Указ. соч., с. 76.

² Там же, с. 78—79.

³ См.: Смудевич Б. Усилить внимание демографическому фронту. — Вестник Коммунистической Академии, 1934, № 4, с. 33—34.

ческой науки под знаком утверждения в ней методологии марксизма-ленинизма. Советской демографии пришлось решать качественно новые задачи, отвечающие потребностям социалистического строительства, интересам трудящихся масс. Становление советской науки о народонаселении шло сложными, порой противоречивыми путями, в острой полемике с приверженцами старой школы. В целом был сделан значительный шаг вперед по сравнению с дореволюционным уровнем демографии и положено начало развитию марксистско-ленинской науки о народонаселении.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ В СССР

Изучение истории демографической науки многообразно: ее отдельные исследования обычно ограничены не только хронологически, но и тематически, скажем, они могут рассматривать лишь историю изучения миграции населения или историю изучения его воспроизводства и т. д. В этом плане нам представляется справедливым утверждение, что история демографии «сама выступает как сложная система научных знаний»¹.

Эта мысль имеет особенно важное значение по двум, как нам представляется, причинам. Во-первых, сейчас, когда еще только разворачивается марксистско-ленинское изучение истории демографической науки, необходимо обеспечить сочетание широкого охвата ее проблематики с должной глубиной освещения, что могут дать только исследования конкретных вопросов. Во-вторых, элементы истории демографии (точнее, истории изучения того или иного вопроса) должны все более учитываться в каждом демографическом исследовании при строгом учете опыта всех предшествующих исследований по данному вопросу.

В статье мы попытались осветить некоторые вопросы воспроизводства населения первых 10 лет Советской власти, проследить взаимосвязь общих социальных и демографических процессов, раскрыть ряд проблем, органически входящих в историю становления и развития советской демографической науки.

Проблема естественного движения населения нашей страны стала привлекать внимание демографов, историков, экономистов сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции. На первых порах особое внимание уделялось демографическим последствиям первой мировой и гражданской войн. В статьях Л. И. Сазонова, С. А. Новосельского, опубликованных в «Трудах комиссии по обследованию санитарных по-

¹ Система знаний о народонаселении. М., 1976, с. 117.

следствий войн 1914—1920 гг.», приводились важные сведения по таким вопросам, как боевые потери армии, снижение рождаемости и рост смертности населения, динамика браков и т. д. Данные естественного движения населения России в годы первой мировой войны свидетельствовали о том, что война принесла неисчислимые беды народам России¹.

С. Г. Струмилин подсчитал общее число убитых и умерших от ран и болезней, полных или частичных инвалидов, количество солдат, попавших в плен. Автор попытался проследить влияние людских потерь на общее движение населения².

Влияние войны на воспроизводство населения показал с помощью анализа возрастной структуры населения Донской области Ставропольского края С. Коломийцев. Опираясь на данные переписи 1920 г., он привел численность детей различных возрастных групп и сопоставил с аналогичными данными переписи 1897 г. Это позволило ему сделать вывод о том, что в результате смерти мужчин молодого возраста, а также необычайно тяжелых условий жизни на территории Донской области в 1920 г. детей в возрасте до семи лет было на 0,5 млн. меньше, чем можно было ожидать при нормальных условиях жизни³.

Аналогичная методика сопоставления материалов двух указанных переписей была применена Д. Дивногорским. При этом автор рассмотрел влияние войн на городское и сельское, мужское и женское население. В данном случае речь шла не только о росте смертности, сокращении рождаемости, но и о резком возрастании заболеваемости, особенно психическими болезнями, о количестве инвалидов войны⁴.

Наряду с анализом влияния войн на естественное движение населения в центре внимания демографов в первые годы Советской власти находились вопросы становления статистики естественного движения населения. В многочисленных работах тех лет рассматривались ис-

¹ См.: Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войн 1914—1920 гг. М.—Пг., 1923, вып. I, II.

² См.: Струмилин С. Г. Трудовые потери России в войне. — Народное хозяйство, 1920, № 18.

³ См.: Статистика Юго-Восточного края. Ростов н/Д, 1921. № 1—2.

⁴ См.: Дивногорский Д. Итоги переписи населения 1920 г. — В кн.: Итоги переписи населения 1920 г. Население по однолетним возрастам и возрастным группам. Лица с физическими недостатками и психически больные. М., 1928.

тория становления отделов загс, выработка статистических форм учета смертей, рождений, браков и разводов. В ряде статей подчеркивалось, что вплоть до окончания гражданской войны статистика естественного движения населения велась крайне неудовлетворительно, за исключением крупнейших городов. Особенно плохо обстояло дело в отдаленных районах страны, а также в сельской местности. Не случайно поэтому работы о естественном движении населения в первые годы Советской власти касались в основном городов.

Уже в 1921 г. была опубликована содержательная статья С. А. Новосельского о естественном движении населения в Петрограде в 1920 г.¹, в которой приводились данные о динамике рождаемости, смертности, брачности не только за 1920 г., но начиная с 1907 г., а по некоторым показателям — с 1900 г. Это позволило автору рассмотреть поставленную им проблему в динамике, показать влияние различных социальных факторов на развитие важнейших демографических закономерностей. За 1920 г. статистика дана помесячно, что также представляет большой интерес.

Аналогичный материал приводился в статье А. А. Чертова о статистике смертности в Москве². В ней на основании обобщения материалов загсов содержались важные сведения о сокращении смертности московского населения, начиная с 1921 г., о причинах смертности. В целом статистика естественного движения населения Москвы и Московской губернии за первые годы Советской власти была исследована П. И. Куркиным и А. П. Чертовым. Их небольшая по объему книга содержала интересный статистический материал о движении населения в Москве и Московской губернии³. Основное внимание в ней было уделено анализу естественного движения городского населения.

Большое внимание уделяли демографы естественному движению городского населения Сибири. В их работах приводились данные о динамике рождаемости, смертности, браков и разводов в крупнейших сибирских городах начиная с 1920 г. Как правило, они давались в сопо-

¹ См.: Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Пг., 1921, вып. V.

² Московский медицинский журнал, 1924, № 8.

³ См.: Куркин П. И., Чертов А. П. Естественное движение населения г. Москвы и Московской губернии. М., 1927.

ставлении с предреволюционным периодом¹. Несколько небольших статей было написано о статистике естественного движения населения по городам Европейской России. Ф. Винокуров исследовал естественное движение населения Вологды с 1911 по 1921 г.² Г. А. Карташевский обобщил аналогичные материалы по Переславлю-Залесскому³.

Движению населения Саратова посвящена книга А. Кобалевского «Очерки по демографии Саратова (рождаемость и смертность за 1914—1927 гг.)» (Саратов, 1928). Опираясь на материалы загсов, автор этой, одной из первых советских историко-демографических монографий привел интересные сведения о естественном движении населения городов с разбивкой по полу, возрасту, а по некоторым данным — и по социальным группам.

Особую ценность представляют данные о естественном движении населения в национальных районах страны. В 1920-е годы оно было исследовано в Казани, Оренбурге, Самарканде, Одессе⁴. Значительно беднее литература о естественном движении населения в целом по отдельным районам страны. Это связано с недостатками регистрации населения в сельских регионах. Как правило, авторы всех публикаций были вынуждены делать оговорки о крайней ненадежности статистики естественного

¹ См.: *Розова Л.* Естественное движение населения Читы. — Бюллетень Забайкальского губстатбюро, 1925, № 2; *Качин Л. Л.* Обзор естественного движения населения и причины смертности в г. Томске за 1922, 1923 и 1924 гг. — Сибирский медицинский журнал, 1925, № 1; *Клячкин В. Е.* Естественное движение населения г. Омска по переселенческим данным за 1913, 1916, 1923—1926 гг. Омск, 1928.

² См.: *Винокуров Ф.* Естественное движение населения г. Вологды. — Жизнь города, 1922, № 1—2.

³ *Карташевский Г. А.* Рождаемость и смертность по г. Переславлю за 1918—1928 гг. — Труды Переславль-Залесского научно-просветительного общества. Переславль-Залесский, 1930, вып. 20.

⁴ См.: *Победоносцев И. Ф.* Население г. Казани. 1863—1923 гг. Казань, 1923; *Хворов-Данилов Н.* Естественное движение населения Казани с 1921 по 1923 г. — Труд и хозяйство (орган Экономсовета при СНК ТАССР). Казань, 1923, № 5; *Бахтов Н.* Естественное движение населения по г. Самарканду и области за 1923 г. — Бюллетень Самаркандского областного статистического бюро, 1925, № 6; *Полов А. Т.* Естественное движение населения г. Оренбурга за время с 1919 по 1922 г. — Статистический вестник Киргизского ЦСУ. Оренбург, 1924, № 4; *Кордобовский П. И.* Естественное движение населения г. Луганска. — Профилактическая медицина. Харьков, 1928, № 9—10; *Финкельштейн Г.* Смертность в Одессе в 1921 г. — Статистический бюллетень Одесского губстатбюро, 1923, № 3—4.

движения населения на селе. За первые годы Советской власти можно назвать лишь несколько публикаций, отражающих движение населения как в городе, так и в деревне¹.

Несмотря на неполноту имевшихся данных, особенно по деревенскому населению, сведения о естественном движении населения, собранные и обработанные первыми советскими демографами, являются уникальными и представляют большую научную ценность. Надо заметить при этом, что архивы загсов и местных статистических органов за первые годы Советской власти сохранились очень плохо. В этих условиях публикации тех лет имеют важное значение и в качестве источников. Однако, как правило, в общих демографических исследованиях авторы ограничивались лишь приведением самых общих данных о движении населения.

Недостатки демографических работ первых лет Советской власти восполнялись специальными социальными, демографическими и медицинскими исследованиями. В первую очередь остановимся на санитарных исследованиях, в ходе которых собирались материалы о ряде важнейших демографических явлений.

В начале 1920-х годов в некоторых украинских губерниях санитарные врачи стали применять методы выборочного обследования населения с целью учета фактического количества переболевших тифом. При этом выявлялись некоторые важные данные о величине и причинах смертности, о детской смертности, рождаемости. В ходе обследования 1922—1924 гг. изучалось примерно 2% сельского населения. Были отобраны деревни, типичные по экономической характеристике уклада, быта и санитарным признакам. Всего было обследовано 145 селений, в которых насчитывалось 50,6 тыс. дворов с 263,6 тыс. жителей. Анкета, по которой собирали сведения, включала характеристику селений по экономическому положению, медико-санитарному состоянию, возрастному составу, рождаемости и смертности, заболеваемости

¹ См.: *Маршалов Д.* Рождаемость за время войны и революции в Сибири. — Сб. Сибирского статистического управления. Новониколаевск, 1922; *Щербаков А. В.* Естественное движение населения Гиблицкой волости за 100 лет (1825—1925 гг.). Рязань, 1923; *Кезевич Д.* Материалы по движению населения по Владимирской губернии за 1919 г. — Известия Владимирского губернского союза потребителей, 1920, № 7—8 и некоторые другие.

сыпным и возвратным тифом за 1920—1922 гг., потери среди населения в годы мировой и гражданской войн. Итоги этих обследований получили широкое отражение в печати¹.

Во время санитарных обследований впервые была сделана попытка определения рождаемости и смертности в зависимости от экономического состояния хозяйства. При этом выделялись следующие группы: беспосевные хозяйства, с посевами до 4 десятин, от 4 до 8, от 8 до 16 и свыше 16 десятин. Обследования выявили прямую зависимость между имущественным состоянием семьи и динамикой естественного прироста.

Интересное санитарное обследование осуществила в 1927 г. кафедра социальной гигиены Харьковского института охраны детства и материнства. Была изучена плодovitость женщин типичного украинского села (опрошено 119 женщин в возрасте старше 50 лет)².

В рассматриваемое время повсеместно проводились также обследования женщин, изъявивших желание сделать аборт. Они представляют большой интерес с точки зрения мотивации прерывания беременности. А. Б. Генц рассмотрел имущественное положение и мотивы прерывания беременности женщин Москвы за 1924 г. В. А. Черневский проанализировал статистику абортотв за 1925—1926 гг. в Ростове и Нахичевани. П. Т. Приходько обобщил статистику абортотв в Анджеро-Судженском районе Томской губернии. Собранные им материалы раскрывают картину состояния абортотв среди женщин-работниц³.

Этот же вопрос исследовал у женщин, работавших на Сызрано-Вяземской железной дороге, Н. Денисов. Он показал, что основной причиной абортотв явилось тяжелое материальное положение семьи и распространение болез-

¹ См.: Материалы о санитарно-гигиеническом состоянии деревни. Харьков, 1925; Козлов П. М. Киевское село по санитарно-демографической переписи Киевской губернии. — Киевская медицинская жизнь, 1925, № 1; Григорьев А. А. Некоторые данные выборочного санитарного обследования по Екатеринославской губернии в 1924 г. — Екатеринославский медицинский журнал, 1925, № 1 и др.

² См.: Томилин С. А. К вопросу о плодovitости крестьянки и влиянии ее на детскую смертность. — Журнал по изучению раннего детского возраста, 1929, т. IV, № 9.

³ См.: Вестник современной статистики, 1925, № 4; Бюллетень Северокавказского краевого статистического управления, 1927, № 25 и 26; Сибирский медицинский журнал, 1927, № 1.

ней¹. Интересное исследование по материалам клиники в Ереване предпринял Г. А. Аршев. Число абортс возрасало в тех уездах, где крестьянство страдало от мало-земелья. Велика была также доля абортс среди безра-ботных рабочих².

В 1926 г. вышла интересная книга А. Б. Генца «Аборт в деревне», основанная на итогах анкетных обследований участковых врачей за 1925 г. Всего были получены отчеты из 3761 сельского участка, что составляло почти 60% сельских медицинских учреждений страны³.

Санитарно-демографические исследования содержат важный и интересный материал о статистике рождаемости, смертности, заболеваемости, возрастной структуре населения. Однако взаимосвязь естественного движения населения и социального положения той или иной группы прослеживалась в этих исследованиях как второстепенное направление. Вот почему представляют большой интерес исследования, целью которых ставилась задача специального анализа этой взаимосвязи.

При проведении повсеместного выборочного опроса крестьянских хозяйств в Одесской губернии в 1923 г. был впервые введен пункт, выясняющий естественное движение населения наряду с очень подробной картой обследования имущественного и социального положения. Данные о естественном движении населения, полученные в ходе этого обследования, представляют первостепенный научный интерес⁴. Материал о естественном движении населения был собран также в ходе весеннего выборочного обследования крестьянских хозяйств в 1924—1925 гг. в Дальневосточном крае⁵.

Опыт проведения специальных санитарных и социально-демографических исследований представляет большой

¹ См.: *Денисов Н.* Аборты на Сызрано-Вяземской железной дороге. — Журнал по изучению раннего детского возраста, 1927, т. V, № 3.

² См.: *Аршев Г. Я.* Социальный аборт в ССР Армении по данным акушерско-гинекологической клиники в Эривани. — Труды I Всеукраинского съезда акушеров и гинекологов. Харьков, 1928.

³ См.: *Генц А. Б.* Аборт в деревне. М., 1926.

⁴ См.: *Кацнельсон С.* Явления естественного движения сельского населения Одесской губернии в связи с экономическими признаками. — Статистический бюллетень Одесского губстатуправления, 1923, № 1—2.

⁵ См.: *Неззос Г. М.* Движение крестьянского населения ДВК в 1924/25 г. по данным весеннего выборочного обследования. — Статистический бюллетень Дальневосточного облстатуправления, 1925, № 13.

интерес. Они выявляли важнейшие параметры естественного движения населения в связи с общими изменениями жизни страны в переходный период. Однако число таких обследований было крайне небольшим, и они охватывали в основном сельских жителей. Лишь в Петрограде по данным городской переписи была сделана попытка определить величину смертности в зависимости от различных профессиональных групп¹.

Наряду с изучением динамики рождаемости большое внимание уделялось анализу смертности населения. В 1928 г. в Минске вышла книга Б. Я. Смулевича «Заболелаемость и смертность населения городов и местечек БССР». Таблица смертности населения СССР в 1926—1927 гг. была опубликована в книге С. А. Новосельского и В. В. Паевского «Смертность и продолжительность жизни населения СССР. Население СССР» (Л., 1930).

Первая попытка исследования естественного движения населения в масштабах РСФСР была предпринята в 1926 г. ЦСУ РСФСР подготовило книгу «Естественное движение населения РСФСР за 1926 г.» (М., 1928). Опираясь на статистику загсов и данные Всесоюзной переписи населения 1926 г., ЦСУ РСФСР опубликовало подробные сведения о рождаемости, смертности, брачности населения с выделением отдельных губерний, крупных городов, городского и сельского населения. В некоторых случаях приводились сопоставимые данные с дореволюционным периодом, а также с первыми годами восстановления народного хозяйства.

Таким образом, в это время велось интенсивное изучение воспроизводства населения. К числу важных достижений молодой советской демографической науки следует отнести и разработку методов анализа естественного движения населения. Так, С. А. Новосельский предложил методику использования корреляционного анализа элементов естественного движения населения². Г. А. Баткис явился одним из пионеров применения анamnестических методов в демографии³. Он не только разработал методику выборочного наблюдения, но и провел

¹ См.: Материалы по статистике Ленинграда и Ленинградской губернии. Л., 1925, вып. 6.

² См.: Санитарно-статистический сборник Ленинградской области. Отдел здравоохранения. Л., 1928.

³ См.: Баткис Г. А. Очерки по статистической методологии. — Социальная гигиена, 1928, № 2—3, 4.

ряд экспедиций, в ходе которых ретроспективно изучалось воспроизводство населения малых народностей бывших окраин России.

В последующем, в 1930—40-е годы, изучение естественного движения населения первого десятилетия Советской власти практически почти не велось. Единственным специальным исследованием этой проблемы явилась опубликованная в 1948 г. статья А. Я. Боярского «К вопросу о естественном движении населения в России и в СССР в 1915—1923 гг.»¹. В ней автор опубликовал результаты своих исчислений основных демографических показателей, произведенных по данным переписи 1926 г., а также по данным о естественном движении населения, содержащимся в официальных публикациях. Из других работ того времени можно назвать книгу Л. С. Каминского и С. А. Новосельского, в которой на основе опубликованных материалов содержались характеристики людских потерь России во многих войнах, а также в годы первой мировой войны².

С начала 1960-х годов, когда в истории советской демографической науки начался новый период, характеризующийся подъемом демографических исследований, возродился и интерес к проблемам естественного движения населения СССР в 1917—1927 гг. В 1963 г. увидела свет книга Б. Ц. Урланиса «Рождаемость и продолжительность жизни в СССР». В этой работе на основе данных переписи 1926 г. сделаны расчеты естественного движения населения за 1918—1922 гг.

Материал о людских потерях России и СССР в войнах, сведения о влиянии войн на естественное движение населения приведены в другой книге этого автора — «Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII—XX вв. (историко-статистическое исследование)» (М., 1960). В ней охарактеризованы боевые потери русской армии в годы первой мировой войны. Еще больший интерес представляют расчеты о потерях Красной Армии на фронтах гражданской войны, при этом использована вся доступная литература по данной теме.

¹ См.: Ученые записки МЭСИ, 1948, т. 1. Позже статья была включена в кн.: *Боярский А. Я.* Население и методы его изучения. М., 1975, с. 225—238.

² См.: *Каминский Л. С., Новосельский С. А.* Потери в прошлых войнах (1756—1918). М., 1947.

Одной из первых возродила практику анamnестических исследований Р. И. Сифман. В 1947 г. в селах Закавказья был проведен опрос женщин в возрасте 15 лет и старше о рождении детей, что позволило восстановить ретроспективно динамику рождаемости. Тщательно изученные итоги этого обследования с разбивкой по республикам Закавказья опубликованы Р. И. Сифман в 1966 г.¹

Следует отметить, что возрождение интереса к проблематике естественного движения населения первых лет Советской власти выявилось как в работах общего характера, так и специальных, историко-демографических. Среди первых назовем главу Г. П. Киселевой «Общая характеристика воспроизводства населения СССР» в книге «Основы теории народонаселения»², среди вторых — сборник статей под редакцией А. Г. Вишневского «Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР» (М., 1977). Это одно из первых историко-демографических исследований, в котором приведен огромный фактический материал о воспроизводстве населения начиная с XVII в.

По рассматриваемой нами теме представляет интерес опубликованная в этом сборнике статья Б. Ц. Урланиса «Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти». Автор попытался пересчитать коэффициенты естественного движения населения в первые годы Советской власти в современных границах СССР. Это позволяет сопоставить данные 1920-х годов с материалами движения населения в 1950-е—70-е годы. Р. М. Дмитриева и Е. М. Андреев посвятили свою статью снижению смертности в СССР. И хотя в центре внимания авторов был современный период, в статье приведены интересные расчеты о росте продолжительности жизни населения в 1920-е годы. И. П. Ильина раскрыла влияние войны на брачность советских женщин.

За годы своего развития советская демографическая наука накопила значительный материал, характеризующий естественное движение населения СССР. Однако данные за 1917—1927 гг. на разных этапах истории со-

¹ См.: Сифман Р. И. Рождаемость в селах Закавказья с начала XX века до Великой Отечественной войны. — В кн.: Проблемы демографической статистики. М., 1966.

² См.: Основы теории народонаселения/Под ред. Д. И. Валентя. М., 1977.

ветской демографии изучались неравномерно. Наибольшее внимание им уделялось в 1920-е годы. Тем не менее оставшиеся от того времени материалы, как правило, носят отрывочный характер, не позволяют раскрыть связи между уровнем рождаемости и социально-экономическими условиями семьи. Многие архивные материалы, созданные в практике работы загсов и других органов Советской власти, до сих пор остаются не использованными. Предстоит еще большая работа по воссозданию исторически конкретной картины естественного движения населения СССР в 1917—1927 гг.

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В СССР

В конце минувшего столетия известный русский историк В. О. Ключевский с присущей ему афористичностью заметил, что история России — это история непрерывно колонизируемой страны. Конечно, это всего лишь образное выражение. Но вспомнилось оно не случайно. Вне зависимости от того, что вкладывал в свой афоризм этот буржуазный ученый, следует признать, что мы не только недостаточно исследуем историю миграционных процессов в нашей стране (особенно в эпоху социализма), но и почти не занимаемся изучением опыта, накопленного в этой области советской демографической наукой на предшествующих этапах ее развития.

Скажем прямо, у нас единицами насчитываются исследования, в которых предпринимались бы попытки выяснить, как советская демографическая наука решала сложные задачи осмысления тенденций и закономерностей процессов народонаселения в различные исторические периоды после победы Великого Октября. В равной мере это относится к истории изучения социального, миграционного и естественного движения населения. Между тем такие исследования ни в коей мере не являются «академическими», а служат решению современных научных задач и прежде всего разработке проблем управления процессами развития народонаселения общества реального социализма.

Обращаясь к истории советской демографической науки, нам представляется важным прежде всего рассмотреть самые первые ее шаги, сделанные в 1920-е годы, когда происходили коренные социально-экономические преобразования в обществе, а осуществление социалистической индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и культурной революции ставило принципиально новые задачи в области изучения народонаселения.

Развитие миграционных процессов в те годы объективно усиливало потребность в их изучении. Ряд неот-

ложных вопросов был поставлен постепенно возраставшим после гражданской войны и интервенции переселенческим движением в многоземельные районы. Всесоюзная перепись населения 1926 г. показала постепенно увеличивавшийся в ходе восстановления народного хозяйства приток населения в города. Если число вселившихся в города в 1921—1923 гг. составило 2,2 млн. человек, в 1924—1925 гг. — 2 млн. человек, то в 1926 г. их было 1,4 млн. человек¹. В середине 20-х годов значительных размеров достигло отходничество.

С миграцией населения тогда было связано решение важнейших социально-экономических проблем: регулирование аграрного перенаселения и ликвидация безработицы в городах, обеспечение постоянными кадрами развивавшейся промышленности и строительства, рост городов, социальная структура занятых и др. Подготовка первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР поставила новые задачи в этой области.

Большую роль в решении задач, определенных планом, играло перераспределение трудовых ресурсов между городом и селом. Большое внимание было уделено плану переселений в многоземельные районы. Возник вопрос о социально-экономической роли переселений, их экономической эффективности. Свидетельством признания важной роли миграции явилась организация текущего учета этого процесса², поскольку в дореволюционной России, как известно, учитывались лишь переселения в многоземельные районы.

Как молодая советская наука содействовала решению этих возникших задач? Объективный ответ на этот вопрос требует прежде всего учета трудностей, которые имелись в исследовании миграции тех лет. Одна из них была обусловлена быстротой происходящих социально-экономических преобразований, что порождало динамичность миграционных процессов. С этим было связано и отсутствие столь необходимой, хотя бы минимальной временной дистанции, которая позволяет определить

¹ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1931, т. 51, с. 141. Отметим, что этот процесс продолжался и в последующие годы. Межпереписной период (1926—1939 гг.) ознаменовался беспрецедентными темпами роста городского населения СССР, которых история еще не знала.

² Миграция относится к кругу явлений социально-культурной жизни, надлежащих наблюдению в конъюнктурном порядке. — Статистика и народное хозяйство, 1930, вып. 3 (12), с. 66.

действительную роль и характер развития того или иного общественного явления.

Кроме того, нельзя не учитывать неразработанность многих теоретических и методологических проблем. 1920—30-е годы были, как известно, временем, когда постепенно выработывалась научная концепция экономических законов социализма¹. Предметом особенно острых дискуссий в 1920-е годы были вопросы аграрной теории и политики. Представителям марксистско-ленинской аграрной концепции в тот период приходилось вести напряженную борьбу с представителями сложившейся еще до революции буржуазной и мелкобуржуазной науки по вопросам развития сельского хозяйства².

Большинство работ по аграрному перенаселению того времени содержало крупные методологические ошибки (Б. Бруцкус, П. Маслов, М. И. Лацис и др.). Не удалось их полностью преодолеть и в работе А. Либкинда, в которой была сделана попытка рассмотреть аграрное перенаселение с марксистско-ленинских позиций³. Поэтому в нашей современной литературе существует мнение, что в 1920-е — начале 30-х годов марксистско-ленинская концепция аграрного перенаселения еще не утвердилась⁴.

Такое положение в области разработки кардинальной для того периода проблемы в значительной мере, как будет показано дальше, определили теоретико-методологические основы изучения миграционных процессов. Последние определились также особенностями состава научных кадров, теоретические взгляды значительной части которых сформировались под влиянием трудов представителей буржуазно-либеральной науки (А. А. Кауфмана, Н. И. Огановского, Н. М. Ядринцева, А. Д. Пешехонова, А. А. Исаева и др.).

Литература 1920-х годов по вопросам миграции насчитывает значительное число разнообразных по тематике работ⁵. Большинство из них — небольшие брошюры и главным образом статьи в начинавшихся издаваться

¹ Коммунист, 1978, № 12, с. 51.

² См.: *Фигурновская Н. К.* Аграрные проблемы в советской литературе 20-х годов. М., 1978, с. 4.

³ См.: *Либкинд А.* Аграрное перенаселение и коллективизация деревни. М., 1931.

⁴ См.: *Иванов Е. П.* Отечественная историография аграрного перенаселения. — Вопросы истории, 1971, № 12, с. 35—37.

⁵ Наиболее полно ее библиография дана в книге: *Платунов Н. И.* Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917—июнь 1941 гг.). Томск, 1976.

журналах («Статистическое обозрение», «Плановое хозяйство», «Вестник статистики», «Вестник землеустройства и переселение», «Социалистическое земледелие» и др.). Основная часть публикаций приходится на вторую половину рассматриваемого десятилетия. Так, только на страницах журнала «Вестник землеустройства и переселения», издававшегося в 1927—1929 гг. и реорганизованного в 1930 г. в журнал «Социалистическое землеустройство», за 1927—1930 гг. было опубликовано более 30 статей непосредственно по миграционной тематике.

Среди авторов — экономисты, статистики, специалисты в области экономики сельского хозяйства, практические работники переселенческих организаций (М. Э. Баранов, И. Д. Великевич, В. П. Воццини, В. П. Красильников, М. И. Лацис, Л. И. Лубны-Герцык, И. Л. Ямзин, А. П. Яхонтов и др.). В связи с анализом состояния баланса трудовых ресурсов большое внимание миграции уделял С. Г. Струмилин. Вопросы отходничества разрабатывались М. Е. Мишцем.

С изучением миграции в тот период связана деятельность сравнительно немногих научных организаций. К их числу следует отнести созданный в Москве в 1922 г. Государственный научно-исследовательский колонизационный институт (Госколонит), преобразованный в 1926 г. в Государственный научно-исследовательский институт землеустройства и переселения, в составе которого имелся переселенческий сектор. В первые годы институт находился в составе Наркомпроса РСФСР, а в 1929 г. был передан в ведение Наркомзема РСФСР.

Институт провел ряд исследований по изучению эффективности землеустройства и переселения в Сибири, на Урале и в других районах. Научная продукция института составила 12 томов, опубликованных в 1924—1929 гг. Наиболее широко миграционная тематика представлена в 1-м и 3-м томах. В 1930 г. институт был закрыт¹.

Выше отмечалось, что миграционная тематика опубликованных работ в 1920-е годы была разнообразной.

¹ Работа института отражена в следующих публикациях: *Космачевский К. В.* Пять лет деятельности Государственного научно-исследовательского института землеустройства и переселения. — Вестник землеустройства и переселения, 1928, кн. IV; *Петров И. Ф.* Пять лет деятельности Государственного научно-исследовательского института землеустройства и переселения. — Вестник землеустройства и переселения, 1928, кн. V; *Рудин Н. П.* Госземколонит должен быть сохранен. — Социалистическое землеустройство, 1930, кн. V.

Ее содержание определялось в первую очередь практическими потребностями организации переселенческого дела, миграции населения в целом. Одновременно большое внимание уделялось теоретическим и методологическим аспектам. Особенно значимыми стали эти вопросы в связи с составлением первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. В литературе обсуждался вопрос о характере миграции, о ее роли в развитии общества, о соотношении планомерности и стихийности в развитии этого процесса и др. Делались попытки привлечь методы, разработанные в других научных дисциплинах, в частности в экономической географии¹.

В научный оборот оперативно вводились данные организовавшегося в те годы текущего учета миграции, данные учета и обследований переселенческих учреждений. Особенно широко была представлена региональная тематика. Если в начале рассматриваемого периода одна из первоочередных задач состояла в определении влияния мировой и гражданской войн, а в последующие годы — голода и эпидемий на движение населения и его размещение (этими вопросами активно занимался Л. И. Лубны-Герцык), то с завершением восстановления народного хозяйства, началом его реконструкции содержание публикаций значительно расширилось и углубилось. Так, новые тенденции в миграционных процессах в условиях восстановления народного хозяйства (большой приток населения в города, достигший в 1923—1926 гг. около 800 тыс. человек ежегодно), значительные различия между темпами роста городских поселений были показаны в статьях О. А. Квиткина, в которых анализировались итоги переписи населения 1926 г.²

Следует отметить, что наибольшее число публикаций посвящалось переселению. Разработка этого вида движения была особенно разносторонней. Большое внимание уделялось масштабам переселений, темпам их увеличения, совершенствованию переселенческой политики, выбору мест выхода переселенцев, эффективности переселений, подготовке переселенческих кадров и др. Появилось значительное число статей о переселении в Сибирь, на Дальний Восток, Север европейской части

¹ См.: Чешихин Г. В. О применении центрографического метода к изучению процессов заселения и миграции. — Вестник землеустройства и переселения, 1928, кн. IV.

² Статистическое обозрение, 1927, № 1, 2.

РСФСР, в Казахстан. Написанные чаще всего на материалах небольших по масштабам обследований, они и до сих пор представляют интерес с точки зрения истории заселения того или иного региона.

Работы, включенные в труды Госколонита, а в конце 1920-х — начале 30-х годов публиковавшиеся на страницах различных журналов (особенно журнала «Социалистическое землеустройство и переселение»), были посвящены теоретико-методологическим вопросам переселений. Известный в то время теоретик переселений И. Л. Ямзин писал: «Ни колонизационная политика, ни ее субстрат — колонизационно-миграционные процессы достаточно не продуманы и даже терминологически не кристаллизованы»¹. Подобные оценки довольно часто встречались в литературе тех лет.

Большой интерес к теории и методологии миграции закономерен. Он объясняется не столько нерешенностью этих вопросов в дореволюционной литературе, сколько изменившимися после Великой Октябрьской социалистической революции социально-экономическими условиями, новыми задачами в этой области. Не случайно и то, что теоретико-методологические подходы ведущих специалистов по переселениям (И. Л. Ямзина, В. П. Вошинна, В. Н. Турчанинова, Л. И. Лубны-Герцыка) явились в конце 1920-х — начале 30-х годов объектом острой критики.

Теоретико-методологические аспекты миграции охватывают широкий круг вопросов. Одним из направлений исследования в этой области в 1920-е годы явилось формирование понятийного аппарата. Выше отмечалось, что переселенческой теме уделялось наибольшее внимание. «Переселение», «переселенческая политика», «переселенческое дело», «переселенческие кадры» были наиболее употребляемыми понятиями. Вместе с тем существовал и более широкий подход, который формировался сначала в рамках колонизационно-миграционной тематики. Объективной предпосылкой его дальнейшего развития была меняющаяся структура миграционных потоков под влиянием роста масштаба движения населения в города. Поэтому в литературе сначала в работах В. П. Вошинна и И. Л. Ямзина, а в конце 1920-х годов и в работах других исследователей все чаще встречаются термины «миг-

¹ Труды Государственного научно-исследовательского колонизационного института. М., 1924, т. 1, с. 10.

рация», «миграционные процессы», «социальные миграции», в рамках которых переселение рассматривалось в качестве одной из его форм. Кстати, поэтому о миграционной политике можно говорить применительно не только к современным нам условиям, но и к рассматриваемому времени.

Одновременно дискутировалось содержание термина «переселение». Оно непосредственно связывалось с понятием «колонизация». В литературе 1920-х годов, когда этот термин широко применялся, была сделана попытка определить с учетом новых социальных условий содержание этого процесса¹. Принципиально новая постановка колониционных проблем потребовала поиска новых теоретических подходов и к миграции, которая в тех конкретно исторических условиях рассматривалась в тесной связи с перенаселением. И. Л. Ямзин писал, что эти вопросы (перенаселения и переселения) тесно связаны с общей теорией хозяйственной эволюции, с исследованиями в области сельскохозяйственной экономики и крестьянского хозяйства.

Действительно, влияние аграрного перенаселения на миграционные процессы в 1920-е годы было огромным. В теоретическом плане речь шла о природе миграции, причинах, обуславливающих этот процесс, а в практическом плане — об учете масштабов аграрного перенаселения при организации переселений. Отметим, что причины миграции рассматривались, как правило, с позиции сущности явления, а ответы переселенцев на вопрос о причинах переселений оценивались как наиболее простой и первоначальный подход, «поверхность явления».

Неспособность решить проблему аграрного перенаселения обусловила ряд серьезных ошибок в определении причин миграции и действительной роли этого процесса в преодолении аграрного перенаселения. Поскольку этот вопрос в значительной мере уже исследован Н. И. Платуновым², рассмотрим его кратко.

Теоретическая несостоятельность анализа аграрного перенаселения наиболее ярко проявилась в работах

¹ «Современная советская колонизация есть согласованное с общим планом государственного строительства СССР организация земельной площади и хозяйства, как Союза в целом, так и отдельных республик, представляющих собой необжитые или малообжитые районы социализируемой страны» (Труды Государственного научно-исследовательского колониционного института, с. 30).

² См.: Труды Томского гос. ун-та, т. 190; Вопросы истории Сибири. Томск, 1967, вып. 3.

Л. И. Лубны-Герцыка, взгляды которого на эту проблему стали предметом острой критики уже в конце 1920-х—начале 30-х годов. Так, нарастание аграрного перенаселения он связывал прежде всего с приростом населения русской деревни¹. Еще более развернуто и последовательно его взгляды были изложены в другой работе, в которой он охарактеризовал понятие «перенаселение», как оценочное, нормативное².

Игнорирование историчности общественных явлений, попытка найти общую причину переселений были свойственны работам И. Л. Ямзина и В. П. Вощинина³. Например, В. П. Вощининым была переоценена роль природных и не понята роль экономических факторов, которые, по его мнению, стали действовать лишь в конце XVIII — начале XIX в. Что касается предпосылок миграции на ближайшее будущее, то и здесь приоритет отдавался климато-биологическим факторам. В частности, в качестве одного из факторов миграции, по мнению автора, могло быть «дальнейшее разочарование населения в удобстве нового простора за Уралом». Роль экономического развития недооценивалась и на будущее, поскольку, как считал В. П. Вошинин, экономическая рационализация по пути интенсификации сельскохозяйственного производства должна будет сократить передвижки населения⁴.

Большое внимание причинам миграции уделял И. Л. Ямзин. Взгляды этого ученого претерпели значительную эволюцию. Однако в первой половине 1920-х годов по ряду принципиальных вопросов он разделял позиции Н. П. Огановского, Л. Н. Литошенко, видевших в мелком крестьянстве единственную форму развития сельского хозяйства. Миграционные процессы в различных странах и районах И. Л. Ямзин связывал с разной емкостью территорий, которые определяют тот или иной закон народонаселения, свои пределы плотности населения. Преобладание в большинстве случаев «органических» факторов (размножения и уплотнения населения)

¹ См.: *Лубны-Герцык Л.* Об аграрном перенаселении России. — Отдельный оттиск из журнала «Сельское и лесное хозяйство». М., 1923, № 10, с. 13.

² См.: *Лубны-Герцык Л. И.* Что такое перенаселение. М., 1923, с. 45.

³ На аграрном фронте. 1930, № 2, с. 140.

⁴ См.: О земле. М., 1922, вып. 3, с. 220—221.

над хозяйственными (повышение производительности единицы труда) в развитии страны должны, как считал он, обусловить повышение роли колонизации¹.

Несмотря на некоторые различия в подходах, в приведенных выше взглядах значительна «биологизация» миграций, которая давала возможность критикам этих воззрений увидеть тесные связи, например, «емкости» территорий с теорией Мальтуса.

Неправильное понимание причин миграции, в том числе и переселений, в течение длительного времени не позволяло оценить действительную роль этого процесса в развитии общества. Так, справедливо отмечая, что «распределение населения по территории еще далеко не закончилось» и что «от степени целесообразности этого распределения или размещения в значительной мере зависит экономическое развитие страны», В. П. Вошинин делал неправильный вывод о том, что переселение — «самодовлеющий процесс нашей народнохозяйственной жизни»².

Такое преувеличенное значение переселения в ряде работ тех лет проявлялось в том, что с помощью переселений пытались, по существу, решить и проблему аграрного перенаселения. Правда, в эти же годы встречались и более осторожные оценки. Например, И. Л. Ямзин предостерегал против преувеличения значения переселений. Одновременно он подчеркивал в качестве важнейших направлений колонизационно-миграционных исследований типологию процессов выхода, вселения населения, факторов миграции³.

Разработка первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР как комплексного плана экономического и социального развития страны потребовала новых подходов и в области переселения. Оценивая недостатки переселения в предшествующие годы, И. Великевич писал, что «переселенческое движение не может быть отождествлено с элементами социалистической реконструкции нашего народного хозяйства и представляется простым расползанием по новым землям, по незаселенным местам сотен тысяч отдельных разрозненных индивидуальных крестьянских хозяйств»⁴.

¹ См.: Труды Государственного научно-исследовательского колонизационного института, с. 21.

² Сельскохозяйственная жизнь, 1922. № 2 (43).

³ Вестник землеустройства и переселения, 1927. № 1, с. 49, 66.

⁴ Там же. 1928, № 4, с. 71.

Перемещение населения из центральных районов европейской части в районы Сибири, Дальнего Востока приводило к созданию индивидуальных хозяйств потребительского типа. В свою очередь это приводило к длительному приспособлению их к новым условиям и невозможности широкого вовлечения в народнохозяйственный оборот природных ресурсов заселяемых районов.

Новый подход, основанный на самой тесной увязке переселений с планами народнохозяйственного развития и всей экономической политики партии, поставил в качестве одной из важнейших задач в области переселений и миграции в целом — более быстрое развитие производительных сил заселяемых районов путем освоения их природных богатств. Следовательно, миграция рассматривалась в качестве одной из форм развития производительных сил страны, тесно связанной с индустриализацией и коллективизацией.

В связи с новыми подходами к целям политики в области миграции в рамках пятилетнего плана в литературе обсуждался вопрос о характере миграционных процессов в условиях плановой экономики. В частности, дискутировался вопрос о соотношении плановых начал и элементов стихийности в этом процессе. Так, по мнению И. Л. Ямзина, трудность построения плана переселений связана с тем, что здесь в большей мере, чем где-либо, стихийные процессы переплетаются с плановыми, регулируемые государством процессами. «Стихия, — писал он, — приспособляется к плану»¹.

В то же время А. М. Сахаров отрицал наличие элементов стихийности в переселениях. «Переселение как процесс размещения трудовых сил в необжитых еще территориях влечет за собой настолько широкий комплекс государственных мероприятий, что без составления многолетнего плана не может осуществляться... Эта особенность заставляет смотреть на переселение как на сугубо плановое мероприятие»².

Учитывая большое народнохозяйственное значение миграционных процессов в обеспечении рабочей силой промышленности и освоении окраин, Ф. Сластухин правильно ставил вопрос об учете перспектив миграционных процессов в народнохозяйственном планировании. Вмес-

¹ Вестник землеустройства и переселения, 1928, № 4, с. 117.

² Там же, № 5, с. 141.

те с тем, рассматривая характер передвижения населения как «сугубо плановый», автор считал необходимым составление особого плана передвижения, «в котором в соответствии с потребностями в рабочей силе и для городской индустрии и для заселения необходимых и малообжитых районов было бы указано, куда и откуда и в каком количестве должна быть приобретена рабочая сила. Это будет своего рода мобилизационный план»¹. Думается, что ошибочность такой точки зрения очевидна.

Подход к миграции с позиций ускоренного развития производительных сил поставил перед наукой и другие задачи. Именно в этот период появляется термин «рациональные переселения». Новым направлением в исследованиях становится «экономика миграции», в рамках которой делается попытка оценить экономическую эффективность процесса исходя из принципа «экономии сил и средств». Ясно, что в рамках такого исторически короткого периода не могли быть решены все проблемы, но, как видно из изложенного, 1920-е годы явились важным этапом в становлении марксистско-ленинского подхода к анализу миграционных процессов при социализме.

¹ Социалистическое землеустройство, 1930, № 1—2, с. 47.

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООН В ОБЛАСТИ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Тридцать пять лет назад, 25 апреля 1945 г., в день, когда советские войска прочно замкнули кольцо окружения гитлеровской берлинской группировки, а их соединения встретились на рубеже Эльбы с частями американской армии, в другом полушарии нашей планеты, в Сан-Франциско, открылась конференция Объединенных Наций. Она приняла Устав ООН и положила начало деятельности центральной и наиболее представительной (ныне в нее входят более 150 стран) международной организации современности. «Несмотря на все свои недостатки и слабости, — отмечает Л. И. Брежнев, — Организация Объединенных Наций внесла полезный вклад в осуществление целей и принципов, провозглашенных в ее Уставе. Она содействовала преодолению ряда острых международных кризисов. Мы рассматриваем такой итог как серьезный успех внешней политики Советского Союза, других социалистических стран, всех миролюбивых сил на нашей планете»¹.

Советские исследователи уделяют значительное внимание изучению ООН. В их работах даны марксистско-ленинский анализ и оценка важнейших аспектов ее деятельности, с исчерпывающей глубиной показано, что положительные стороны этой деятельности, происходящей в условиях противоборства социализма с обреченным на гибель империализмом, обеспечиваются внешней политикой СССР, других социалистических стран, всех прогрессивных и миролюбивых сил мира.

ООН является не только наиболее всеобщей по своему членству, но и наиболее широкой по кругу охватываемых ею проблем международной организацией. Наряду с вопросами политического и юридического характера, с которых началась история ООН, теперь все чаще в ООН фигурируют многочисленные вопросы экономи-

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1972, т. 3, с. 148.

ческого развития и социальных условий жизни общества, а также проблемы демографии.

В целом отмеченные направления деятельности ООН и связанных с ней специализированных учреждений ООН получили (хотя еще и недостаточное) освещение в нашей научной литературе, чего, к сожалению, нельзя сказать о демографической проблематике: по существу, нет ни одной работы, специально посвященной деятельности ООН в области народонаселения. Марксистско-ленинское изучение этой деятельности является, таким образом, одной из первоочередных задач, а ее решение в свою очередь требует скрупулезного учета всего, что уже сделано советской демографической наукой в данном направлении.

Отметим прежде всего, что советские представители постоянно действенно участвуют в работе Комиссии по народонаселению¹ — функционального органа Экономического и Социального Совета (ЭКОСОС), круг полномочий которой еще в 1948 г. был определен следующим образом:

«Комиссия по народонаселению организует изучение следующих вопросов и дает по ним отзывы Экономическому и Социальному Совету:

- а) численность и состав населения и изменения в таковых;
- б) взаимодействие демографических, экономических и социальных факторов;
- в) политика, имеющая целью воздействие на численность и состав населения и изменение в таковых;
- г) прочие демографические вопросы, по которым

¹ Комиссия по народонаселению осуществляет деятельность на своих сессиях. С 1947 по 1979 г. включительно состоялось 20 сессий, кроме того, в 1972—1974 гг. были проведены три специальные сессии. Советские представители участвовали во всех сессиях, за исключением 2-й. Текущую работу ведет Отдел народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам Секретариата ООН. С 1978 г. из него выделено Отделение программ и проектов в области народонаселения, вошедшее в Департамент по техническому сотрудничеству. Комиссия по народонаселению активно сотрудничает со Статистической комиссией ЭКОСОС. К сожалению, деятельность Комиссии по народонаселению почти совершенно не освещается нашей литературой. Исключение составляют две-три информации (см., например: *Бурлин В. О. О работе XII сессии Комиссии ООН по народонаселению. — Экономика Советской Украины, 1963, № 3; Д. Д. XVI сессия Комиссии ООН по народонаселению. — Вестник статистики, 1972, № 6 и др.*).

главные или вспомогательные органы ООН или специализированные учреждения пожелают получить отзыв»¹.

Очерченный круг полномочий, выработанный при активном участии советских представителей, сохранился до наших дней. Нам представляется, что основная причина этого — широкий подход к пониманию демографии. Его несомненным достоинством является также постановка вопроса о взаимодействии демографических факторов с экономическими и социальными.

Принципиальное значение для демографической деятельности ООН приобрела и четкая позиция советских представителей в отношении буржуазных концепций народонаселения. Уже на 1-й сессии Комиссии по народонаселению (1947 г.) советский представитель выступил против мальтузианской трактовки теории «оптимума населения»². Впоследствии в 1957 г. с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН было твердо заявлено, что СССР выступает против всех мальтузианских и неомальтузианских концепций³. А в 1966 г. советский представитель, голосуя за резолюцию Генеральной Ассамблеи «Рост народонаселения и экономическое развитие», с удовлетворением отметил, что, наконец, оценивается «роль, которую экономические и социальные изменения могут играть в решении проблем народонаселения», и подчеркнул, что «планирование семьи не заменит экономического и социального прогресса»⁴.

Боевой, наступательный характер марксистско-ленинской науки, направленный против антинаучных концепций народонаселения, выявился уже в первые годы становления демографической деятельности ООН⁵.

¹ Док. ООН. E/CN.9/158.21.XII 1960 г., р. 1.

² *Symonds R., Garder M.* The United Nations and the Population Questions. N. Y., 1973, р. 44. Критику «оптимума населения», а также марксистско-ленинское понимание этой проблемы см.: *Кваша А. Я.* Проблемы демографического оптимума. М., 1974; *Боярский А. Я.* Население и методы его изучения. М., 1975, с. 28—41; *его же.* Предисловие в кн.: *Сови А.* Общая теория населения. М., 1977, т. 1.

³ ООН. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Второй комитет. Экономические и финансовые вопросы. Краткие отчеты заседаний. 17.IX—13.XII 1957 г. Нью-Йорк, 1958, с. 356.

⁴ Там же. Краткие отчеты заседаний. 27.IX—15.XII 1966 г. Нью-Йорк, 1967, с. 509—510.

⁵ См.: *Горшков И. С.* Современные буржуазные теории народонаселения — средство закабаления народов мира. — Ученые записки АОН при ЦК КПСС, Вып. IV, 1949; *Попов А. Я., Семенов Ю. М.* Мальтузианские бредни на службе американского империализма. — В кн.: Против философствующих оруженосцев американско-английско-

В последующий период работы Б. Я. Смудевича, А. Я. Попова, Я. И. Рубина, Э. А. Араб-Оглы, А. П. Судоплатова¹ и ряда других исследователей раскрыли несостоятельность современных мальтузианских и иных реакционных подходов к изучению народонаселения.

Но, разумеется, рассмотрение в советской науке вопросов, связанных с деятельностью ООН в области народонаселения, никогда не ограничивалось только критикой реакционных взглядов. Так, уже на 1-й Всемирной конференции ООН по народонаселению (Рим, 1954 г.) были представлены доклады советских ученых И. Ю. Писарева «Организация, понятия и определения демографической статистики в СССР» и Т. В. Рябушкина «Социальные аспекты структуры и движения населения»². Они, будучи одним из проявлений активного участия советских ученых в деятельности ООН по вопросам статистики, имели определенное значение в борьбе за ликвидацию монопольного положения в ООН норм буржуазной статистики, научную организацию переписей и учета населения.

Еще более крупным был вклад советских ученых в работу 2-й Всемирной конференции ООН по народонаселению (Белград, 1964 г.), на которой было представлено 36 советских докладов³. «Конференция в Белграде,— писал ее участник, председатель одной из секций конфе-

го империализма. М., 1950; Баграмов А. Неомальтузианство на службе американско-английского империализма. — Вопросы экономики, 1952, № 7; Араб-Оглы Э. А. Отрицание законов общественного развития под флагом «биологического детерминизма». — Коммунист, 1956, № 7 и др.

¹ См.: Смудевич Б. Я. Буржуазные теории народонаселения в свете марксистско-ленинской критики. М., 1936; его же. Критика буржуазных теорий и политики народонаселения. М., 1959; Попов А. Я. Современное мальтузианство — человеконенавистническая идеология империалистов. М., 1953; Валентей Д. И. Реакционные теории народонаселения периода общего кризиса империализма. М., 1963; его же. Теория и политика народонаселения. М., 1967; Рубин Я. И. Теория народонаселения. М., 1972; Араб-Оглы Э. А. В лабиринте пророчества. М., 1973; его же. Демографические и экологические прогнозы. М., 1978.

² См.: Попов А. Я. Международный конгресс в Риме по вопросам народонаселения. — Вопросы философии, 1955, № 1; Рябушкин Т. В. О Всемирной конференции по вопросам народонаселения. — Вестник статистики. 1955, № 1.

³ См.: Вопросы народонаселения и демографической статистики. — Доклады советских ученых и специалистов на Всемирной конференции ООН по вопросам народонаселения 1965 года. М., 1966.

ренции, Д. И. Валентей, — показала всю идейную, политическую, теоретическую и практическую значимость, всю остроту проблем народонаселения в мире, в отдельных странах... Перед человечеством стоит широкий круг проблем народонаселения, которые надо решать. Одна из самых острых проблем — ускоренный рост населения в менее развитых странах. Нельзя больше ограничиваться только критикой буржуазных теорий и буржуазных концепций. Надо разработать позитивную программу народонаселения...»¹. Во второй половине 1950-х годов Э. А. Араб-Оглы, подчеркнув, что демография является вполне самостоятельной общественной наукой, отметил, что советские ученые мало занимаются ее проблематикой, за исключением критики мальтузианских и других буржуазных теорий². В этой связи важное значение имело известное совещание в редакции журнала «Коммунист» в 1963 г., когда большая группа ученых (А. Я. Боярский, Д. И. Валентей, Б. Д. Петров, Б. Я. Смулевич, Б. Ц. Урланис, Г. Н. Царегородцев и др.), признав отставание в области демографической науки, привлекли внимание научной общественности к необходимости ликвидации этого отставания³.

Подъем марксистско-ленинских исследований проблем народонаселения, начавшийся с 1960-х годов, был вызван потребностями общественного развития, в том числе возникновением и развитием новых стран — членов ООН, бывших колоний, значительными изменениями в мировом населении.

В аспекте рассматриваемой темы заслуживает упоминания дискуссия по проблемам мирового населения, прошедшая на страницах «Литературной газеты» в 1965—1966 гг.⁴. В ходе ее был отмечен реальный характер проблем, создаваемых в современном мире беспре-

¹ Валентей Д. И. Вторая Всемирная конференция по вопросам народонаселения (впечатления участника). — НДВШ. Экономические науки, 1966, № 1, с. 133. О работе этой конференции были опубликованы статьи Я. Н. Гузеватого (МЭиМО, 1965, № 12), А. А. Исупова (Вестник статистики, 1965, № 6), Р. И. Сифман (Здравоохранение Российской Федерации, 1966, № 1), В. Н. Ягодкина (Вопросы экономики, 1966, № 1) и др.

² См.: Араб-Оглы Э. А. Некоторые проблемы народонаселения. — Вопросы философии, 1957, № 6, с. 102.

³ Коммунист, 1963, № 17, с. 82—86.

⁴ Литературная газета, 1965, № 33, 139, 142, 152; 1966. № 23, 27, 62, 68.

цедентным ростом населения, и высказаны предостережения против слишком упрощенного к ним подхода¹.

Примерно с середины 60-х годов демографическая деятельность ООН практически сосредоточилась на проблематике населения развивающихся стран. Эта проблематика стала занимать важное место и в исследованиях советских специалистов в области народонаселения. Появляются работы о росте населения развивающихся стран (А. Я. Боярский, С. И. Брук, В. И. Козлов, Б. Ц. Урланис и др.)², исследования по отдельным крупным регионам³.

Пожалуй, одним из первых вплотную к освещению проблематики деятельности ООН в области народонаселения подошел Я. Н. Гузеватый. В 1970 г. появилась его монография «Проблемы народонаселения и социально-экономическое развитие стран Азии, Африки и Латинской Америки». Она состоит из трех основных частей. В первой из них автор характеризует демографический аспект рассматриваемой проблематики, во второй — экономический, а в третьей — политический аспект проблем народонаселения. Именно в третьей части, характеризуя демографическую политику в афро-азиатских и латиноамериканских странах, он делает одну из первых в нашей демографической литературе попыток дать марксистско-ленинскую оценку национальных программ контроля над рождаемостью, а также показать некоторые демографические мероприятия ООН 1960-х годов.

В 1971 г. этот же автор опубликовал в фундаментальном коллективном труде «Марксистско-ленинская теория народонаселения» обстоятельную главу «Демографическая политика в развивающихся странах», в которой также кратко остановился на характеристике дея-

¹ См.: Гузеватый Я. Н. Что такое «демографический взрыв»? — Литературная газета, 1965, № 142; Урланис Б. Ц. Народонаселение: исследования, публицистика. М., 1976, с. 310—316.

² Боярский А. Я. Население и методы его изучения. М., 1975. с. 245—252; Урланис Б. Ц. Рост населения в развивающихся странах и его влияние на экономику «третьего мира». — Международная жизнь, 1967, № 5; Брук С., Козлов В. Демография и «третий мир». — Азия и Африка сегодня, 1968, № 4; Численность и расселение народов мира. М., 1962; Козлов В. И. Динамика численности народов мира. М., 1969; Валентей Д. И. Тенденции роста населения развивающихся стран. — Экономические науки, 1971, № 3.

³ См., например: Андрианов Б. В. Население Африки. М., 1964; Княжинская Л. А. Изменения в численности и размещении населения Индии. — Вопросы географии, 1964, сб. 64; Петров В. В. Население Индии. М., 1965 и др.

тельности ООН в этой области в середине 1960-х годов¹. Для второго издания названного труда (М., 1974) Я. Н. Гузеватый переработал свою главу, написав вместо нее две, по существу, новых главы: «Проблемы народонаселения в развивающихся странах» и «Программы планирования семьи в развивающихся странах».

Опираясь на исследования советских демографов, Я. Н. Гузеватый показал, что они не «отмечают» программы «планирования семьи» сами по себе, как это пытаются изобразить некоторые реакционные буржуазные ученые. В отличие от неомальтузианцев, пытавшихся объявить «планирование семьи» панацеей от всех трудностей, переживаемых развивающимися странами, советские ученые считают, что главное — «это путем коренных социально-экономических преобразований ликвидировать отсталую общественную структуру, которая тормозит технический прогресс. Вместе с тем в современных конкретно-исторических условиях определенную общественную целесообразность приобретает специальная демографическая политика, направленная на регулирование воспроизводства населения, которая может быть успешной только в рациональном сочетании с экономической политикой, с соответствующими практическими действиями в области культуры, образования, народного здравоохранения и социального обеспечения»².

1974 г., как известно, был объявлен ООН Всемирным годом народонаселения. Его центральным событием стала 3-я Всемирная конференция ООН по народонаселению (Бухарест, август 1974 г.), проведенная на правительственном уровне и принявшая Всемирный план действий в области народонаселения (ВПДН), который ре-

¹ Тогда же, в 1971 г., вышла книга под ред. В. В. Вольского «Латинская Америка: демографический взрыв?», в которой содержалась краткая характеристика демографической деятельности ООН и более подробная — Латиноамериканского демографического центра (СЕЛАДЕ) (см. с. 8—20).

² Марксистско-ленинская теория народонаселения. М., 1974, с. 368. См. также: *Гузеватый Я. Н.* О социально-экономической обусловленности демографического развития мирового населения. — В кн.: *Народонаселение зарубежных стран.* М., 1974.

В изданной в 1975 г. коллективной работе под ред. Г. Е. Скорова «Развивающиеся страны: наука, техника, экономический рост» отмечается, что прогрессивные силы этих стран придерживаются в вопросах планирования семьи взглядов, аналогичных изложенным выше (см. с. 140).

шитительно отверг мальтузианскую идею самодовлеющего значения демографических факторов и раскрыл тесную взаимосвязь демографических и социально-экономических процессов.

Советскую демографическую литературу, посвященную мероприятиям, осуществленным ООН, можно условно разделить на две группы: работы, вышедшие в 1974—1975 гг., т. е. сразу после принятия ВПДН, и работы, появившиеся после 1975 г. Говоря о первой группе этих работ, следует отметить, что советские ученые сразу сумели дать правильную оценку итогам Всемирного года народонаселения и значения ВПДН¹.

Что касается работ, вышедших после 1976 г., то для них определяющим стали исторические решения XXV съезда КПСС². Так, состоявшееся в МГУ им. М. В. Ломоносова в апреле 1976 г. научно-практическое совещание «Разработка проблем народонаселения в свете решений XXV съезда КПСС», уделив основное внимание проблемам народонаселения СССР, вместе с тем подчеркнуло важность изучения зарубежной проблематики, в том числе демографической проблематики ООН³. Вышедшие вскоре сборники серии «Народонаселение» — «Критика современных буржуазных демографических концепций» и «Население развивающихся стран» (М., 1976) — наглядно подтвердили правильность этой установки. Помещенная в первом из них статья Я. Н. Гузеватого «Идеологические уроки Всемирного года народонаселения» до сих пор сохраняет значение наиболее глубокого анализа итогов мероприятий 1974 г. и их реализации⁴.

В 1978 г. вышла монография В. С. Стешенко «Демография в современном мире», в которой рассмотрены некоторые вопросы деятельности ООН в области народонаселения. Обосновав проблему изучения глобального

¹ См.: *Володарский Л., Марков П.* Демография и политика. — *Международная жизнь*, 1974, № 11; *Володарский Л.* Демография и прогресс народов. — *Новое время*, 1974, № 37; *Володарский Л., Исупов А.* Современные демографические процессы и определяющие их факторы. — *Вестник статистики*, 1974, № 12; *Гузеватый Я.* Народонаселение и общественное развитие. — *МЭиМО*, 1975, № 1.

² См.: *Материалы XXV съезда КПСС*. М., 1976, с. 73.

³ См.: *Шелестов Д. К.* Изучение проблем народонаселения — на уровень задач, поставленных XXV съездом КПСС. — *Вопросы философии*, 1976, № 10, с. 171—172.

⁴ См.: *Гузеватый Я. Н.* Демографо-экономические проблемы Азии. М., 1980. с. 6—24.

аспекта современного демографического развития, В. С. Стешенко затем анализирует формы международного научного сотрудничества в области демографии, впервые вводит в научный оборот некоторые материалы ООН, высказывает на их основе ряд глубоких суждений (например, о постановке ООН мировой демографической статистики и др.). Хотя она не ставила перед собой задачу систематически проанализировать деятельность ООН в области народонаселения, ее очерк о международном демографическом сотрудничестве имеет важное значение для изучения этой деятельности.

Недавно на книжных прилавках появилась работа Т. В. Рябушкина и Р. А. Галецкой «Динамика и структура населения в социалистическом обществе» (М., 1979), вводная глава которой также затрагивает вопросы рассматриваемой темы.

Таковы некоторые основные работы, освещающие вопросы, связанные с деятельностью ООН в области народонаселения. Завершая их обзор, необходимо сделать три существенные оговорки. Во-первых, здесь названы далеко не все работы, а лишь те, которые помогают выявить основные направления изучения рассматриваемой темы. Во-вторых, будучи ограниченными рассматриваемой темой, мы не касались важнейшего вопроса о росте международного авторитета советской науки в изучении проблем народонаселения. А он неуклонно растет, что отразилось на принятии ВПДН и ряде других демографических мероприятий ООН 1974 г., а также последующих лет. В частности, одним из проявлений этого явилось создание при МГУ им. М. В. Ломоносова (на базе его Центра по изучению проблем народонаселения) курсов для стипендиатов ООН из развивающихся стран по теме «Народонаселение и развитие»¹.

Наконец, последнее: сама по себе констатация факта неизученности той или иной темы еще не является основанием для ее разработки. Это основание дают насущные практические потребности развития науки. Чтобы оказывать более эффективное влияние на деятельность ООН в области народонаселения, советская демографическая наука должна осуществить всесторонний и глубокий марксистско-ленинский анализ этой деятельности.

¹ См.: Сазонова Н. Ю., Судоплатов А. П. Демографические учебные центры ООН. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. «Экономика», 1980 № 1, см. также: Морозов В. Подготовка национальных кадров — важная проблема развивающихся стран. — Внешняя торговля, 1973, № 4.

К ИСТОРИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ ООН

История демографической науки неразрывно связана с различного рода прогнозами населения¹. Исторически их рассмотрение можно проводить в двух аспектах: с точки зрения преобладающей теории народонаселения и с точки зрения существующей информации о населении.

При отсутствии данных о рождаемости, смертности и миграции населения строились прогнозы его общей численности, основанные на гипотезе об удвоении населения к определенному периоду времени. Примером может служить прогноз, сделанный Г. Кингом в XVII в., согласно которому население Англии удвоится через 600 лет, а последующее удвоение произойдет через следующие 1200 лет².

Дальнейшим развитием этой гипотезы явилась мальтузианская теория роста населения в геометрической прогрессии. Несколько позднее она была модифицирована: для прогнозов численности населения стали использоваться функции в виде многочленов второй и третьей степени, экспоненциальные кривые. Так, в конце XIX в. американский астроном Г. Притчетт, используя уравнение параболы третьего порядка, рассчитал численность населения США на 1000 лет вперед. Одна-

¹ Естественно, что демографическое прогнозирование привлекает внимание целого ряда советских ученых (А. Я. Боярский, Б. Ц. Урланис, А. Я. Кваша и др.). Советские демографы внимательно изучают и опыт прогнозирования населения за рубежом (см.: Демографические прогнозы/Под ред. А. Г. Волкова. М., 1973). Наиболее важное значение в этом плане имеет исследование: Араб-Оглы Э. А. Демографические и экологические прогнозы. Критика современных буржуазных концепций. М., 1978. В ней в том числе рассматривается и последний (1977 г.) демографический прогноз ООН.

Настоящая статья, не претендуя на всестороннее раскрытие темы, ставит задачу дать общую характеристику четвертьвекового (1952—1977 гг.) опыта прогнозирования населения, осуществляемого демографической службой ООН.

² См.: ООН. Детерминанты и последствия демографических тенденций. Нью-Йорк, 1975, т. 1. ч. 8, с. 1596.

ко уже через полвека обнаружилось значительное несоответствие его данных фактическим.

В 20-х годах XX в. американские демографы Р. Пирл и Л. Рид применили в расчетах будущей численности населения США логистическую функцию. Получив сравнительно небольшое расхождение между фактическими и прогнозными значениями, они решили, что логистическая функция представляет собой наиболее совершенный вид кривой, описывающей будущее развитие населения.

Время показало непригодность их метода для расчета прогноза численности населения.

История демографических прогнозов содержит немало примеров прогнозирования, основанного на использовании стабильных темпов роста населения (прогноз населения США Е. Уотсона, прогноз населения мира немецкого демографа А. Фиркса и др.), а также на применении меняющихся темпов роста (прогноз населения США Ф. Бонинга, Г. Тукера и т. д.). Но и эти прогнозы не выдержали испытание временем.

Ограниченность прогнозов, использующих для расчета будущей численности населения тот или иной вид функций, привела к тому, что уже со второй половины XIX в. начинается поиск моделей, отражающих влияние возрастной структуры населения на демографическое развитие. Разрабатывались модели стационарного и стабильного населения, представляющие собой скорее хороший инструмент теоретического анализа возможного поведения населения при заданных предпосылках, чем метод прогнозирования будущей численности населения.

В 30-х годах XX в. появилась концепция демографического перехода, оказавшая большое влияние на методику прогнозирования населения. Она послужила исходной теоретической базой первого прогноза населения мира, разработанного и опубликованного ООН в 1952 г. В соответствии с этапами демографического перехода население мира делилось на три группы — региона: регион с низкими уровнями рождаемости и смертности; регион, где смертность снижается в большей степени, чем рождаемость; регион с высокими уровнями рождаемости и смертности. Для каждого региона затем намечались будущие тенденции развития рождаемости и смертности. Согласно оценкам этого прогноза к 1980 г. насе-

ление мира должно было составить 3640 млн. человек (высший вариант) ¹.

С этого же времени ООН стала проводить и систематическую работу по региональному прогнозированию численности населения. Был построен ряд региональных прогнозов населения для Центральной (1954 и 1960 гг.) и Южной (1955 г.) Америки, Юго-Западной Азии (1958 г.), Азии и Дальнего Востока (1960 г.).

Поворотным пунктом в развитии демографических прогнозов ООН можно считать 1958 г., когда начал широко использоваться метод компонент, заключающийся в том, что будущая численность населения определяется интенсивностями рождаемости и смертности. При этом в большинстве случаев наибольшее значение для будущего развития населения имеют тенденции изменения рождаемости, которые более эластичны по отношению к волевым факторам, нежели тенденции изменения смертности.

Существенное преимущество данного метода состоит в том, что он, с одной стороны, дает картину половозрастной структуры населения на данный момент времени и его основных возрастных групп (население младших возрастов, население трудоспособного возраста, население пенсионного возраста), а с другой стороны, отражает динамику структуры населения в зависимости от его демографических характеристик, что позволяет выявить влияние изменения той или иной характеристики на половозрастную структуру населения.

В прогнозе ООН 1958 г. перспективным расчетам численности населения предшествовал глубокий теоретический анализ демографической ситуации в мире за 1950—1955 гг. Он показал, что в прогнозных расчетах нельзя ограничиться классификацией мирового населения по трем перечисленным выше группам. Теперь все страны мира были объединены в 25 регионов в зависимости от характера демографической ситуации, при которой в одной группе стран при высокой рождаемости (например, в азиатских странах) наблюдался процесс снижения смертности, а в других — при низком или среднем уровне смертности (например, в европейских странах) происходила стабилизация или снижение рождаемости; причем в одних странах эти изменения насту-

¹ См.: ООН. Детерминанты и последствия демографических тенденций, т. 1, ч. 8, с. 1608.

нают раньше, а в других — позже. Согласно данным этого прогноза население мира к 1980 г. должно было составлять 4220 млн. человек (средний вариант), 4280 млн. человек (высший вариант), 3850 млн. человек (низший вариант)¹, а к 2000 г. — соответственно 6280 млн., 6900 млн., 4880 млн. человек².

Последующие прогнозы населения ООН (1966, 1973, 1975, 1977 гг.), основываясь на концепции демографического перехода, также использовали метод компонент, широкое применение которого стало возможным благодаря развитию в большинстве стран мира демографической статистики, что позволило получить информационный материал для более детального прогнозирования изменения основных характеристик населения.

Прогноз населения ООН, опубликованный в 1973 г., также опирался на анализ демографической ситуации в мире, который дал возможность принять следующие гипотезы: 1) относительно рождаемости было намечено ее снижение в результате развития экономики и внедрения политики планирования семьи; 2) что касается смертности, то предполагалось либо ее медленное понижение или стабилизация (страны Латинской Америки), либо ее падение и рост средней продолжительности жизни до 60 лет (страны Азии и Северной Америки).

Особенность прогноза состояла в том, что лишь средний вариант рассчитывался для всех регионов мира, высший вариант — для менее развитых регионов, низший вариант — для развитых регионов. Другой его особенностью явился ретроспективный расчет населения мира на 1950—1965 гг.

Данные прогноза послужили исходным материалом для других прогнозов (например, для прогноза численности городского и сельского населения, для прогноза численности домашних хозяйств). Кроме того, в прогнозе особо выделялись следующие группы населения: дети в возрасте 0—5 лет, население в возрасте 5—14 лет, трудоспособное население 15—64 года, население старше

¹ Средний вариант прогноза предполагал снижение уровня рождаемости прежними темпами; высший вариант исходил из гипотезы о сохранении постоянного уровня рождаемости (коэффициент воспроизводства равен 3); низший вариант предполагал дальнейшее снижение уровня рождаемости (в отдельных случаях коэффициент воспроизводства будет равен 1).

² U. N. Department of Social Affairs. — Population Studies, № 28; The future growth of the world population. N. Y., 1958, p. 27.

65 лет, женщины репродуктивного возраста 15—44 года. По его данным население мира к 1980 г. составит до 4456 млн. человек, а к 2000 г. — до 6493 млн. человек (средний вариант) ¹.

Прогноз населения мира, опубликованный в 1975 г., повторил основные черты предыдущего прогноза ООН: для населения всех регионов мира рассчитывался средний вариант, особо выделялись функциональные группы населения. Результаты прогноза явились исходной базой для других прогнозов. Особенностью этого прогноза стал расчет численности населения мира до 2125 г., основанный на следующих предположениях: 1) стабилизация населения мира в прогнозный период; 2) миграция населения относительно мала и поэтому игнорируется; 3) уровень смертности 2000 г. экстраполируется на будущее таким образом, чтобы к концу прогнозного периода средняя продолжительность жизни составила 74,8 года для обоих полов во всех странах мира; 4) снижение рождаемости для менее развитых регионов происходит по логистической кривой, а для более развитых регионов предполагается стабилизация рождаемости на уровне 2000 г.

Согласно прогнозу 1975 г. население мира составит в 2000 г. 6407 млн. человек, а в 2125 г. — 12 277 млн. человек (средний вариант) ². Кроме того, прогноз предполагает, что в развитии населения мира будет наблюдаться процесс его стабилизации ³. При этом считается, что стабилизация населения в разных регионах мира в основном завершится в следующие сроки: Европа и Северная Америка — середина XXI в., СССР, Восточная Азия и Океания — третья четверть XXI в., Латинская Америка и Южная Азия — последняя четверть XXI в., Африка — первая четверть XXII в.

Основные демографические характеристики стабильного населения во всех регионах согласно прогнозу ока-

¹ U. N. Department of Economic and Social Affairs. — Population Studies, № 53: World population prospects as assessed in 1968. N. Y., 1973, p. 32.

² U. N. Department of Economic and Social Affairs. — Population Studies, № 57: The population debate: dimensions and perspectives. N. Y., 1975, p. 29.

³ Под стабилизацией населения понимается процесс развития населения, приводящий к неизменному режиму его воспроизводства. Модель стабильного населения исходит из изменения плотности рождаений по показательной функции при неизменном порядке вымирания и отсутствии миграции.

жуются идентичными: при средней продолжительности жизни в 74,8 года рождаемость и смертность уравниваются друг друга и составят 13,4‰. Стабилизируется также и возрастной состав мирового населения: доля детей до 15 лет снизится до 20%, доля лиц трудоспособного возраста 15—64 года составит 63%, доля лиц старше 65 лет будет равна 17%.

Еще одна особенность будущего демографического развития, по мнению авторов прогноза 1975 г., состоит в том, что значительное увеличение мирового населения падает на долю тех регионов, которые в настоящее время являются развивающимися (94%), и лишь 6% придется на долю ныне развитых стран. Кроме того, вследствие неравномерного роста населения произойдет также существенное изменение доли различных регионов и в самих развивающихся странах: резко возрастет доля численности населения Южной Азии, Африки, Латинской Америки, тогда как доля населения Восточной Азии значительно уменьшится.

Последний из опубликованных прогнозов ООН (1977 г.) строился по трем основным вариантам, различающимся теоретическими гипотезами о возможных изменениях демографических тенденций в будущем, главным образом в характере и масштабах ожидаемого падения рождаемости. Согласно данным этого прогноза к 2000 г. население мира составит: 6638 млн. человек (высший вариант), 6254 млн. (средний вариант), 5839 млн. человек (низший вариант)¹.

В соответствии с прогнозом предстоящий рост населения будет происходить в основном благодаря демографическим процессам в развивающихся странах. Так, по среднему варианту население мира увеличится с 1970 по 2000 г. в целом на 73%, в том числе в развитых странах — на 25%, а в развивающихся — почти в 2 раза. В результате столь неравномерного роста населения его относительное перераспределение между развитыми и развивающимися странами изменится в пользу последних: к 2000 г. в развивающихся странах будет проживать от 3/4 до 4/5 всего населения земного шара. Доля же населения, например Западной Европы, в мировом населении упадет до 8,6%².

Изменение демографической роли Европы на протя-

¹ См.: *Араб-Оглы Э. А. Указ. соч.*, с. 58.

² Там же, с. 66, 80.

жении нашего столетия станет еще более очевидным из следующего сравнения: в 1900 г. по численности населения она превосходила совокупное население Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. В 1965 г. население стран Европы было больше только каждого из трех перечисленных регионов. А к 2000 г. оно будет заметно ниже, чем в Африке, Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, отдельно взятых.

Согласно прогнозу ООН 1977 г. к концу нашего столетия произойдут довольно серьезные изменения в соотношении городского и сельского населения: половина мирового населения будет проживать в городах, причем в развитых странах на долю горожан придется свыше $4/5$, а в развивающихся — около $2/5$ всего населения¹. Рост городского населения будет сопровождаться его дальнейшей концентрацией в крупнейших городах. Если в 1970 г. на земном шаре было всего 4 города, население которых с пригородами превышало 10 млн. человек (Лондон, Нью-Йорк, Токио, Шанхай), то в 2085 г. их количество достигнет 17, а крупнейшим городом, как ожидается, будет Токио — 25,2 млн. человек. Вполне очевидно, что столь высокие темпы урбанизации не могут не вызвать дополнительных проблем и еще больше усугубить кризис больших городов.

Особенность прогноза ООН 1977 г. заключается также в том, что он предусматривает сокращение диапазона между низшим и высшим вариантом численности населения мира на 2000 г.: разница составила только 13%. Главной причиной такого сближения вариантов является более точное обоснование демографических тенденций, опирающееся на знания о населении, полученные наукой к настоящему времени, а также улучшение демографической статистики в ряде стран и сокращение прогнозного интервала.

Несомненный интерес представляет оценка достоверности рассмотренных прогнозов. В настоящее время используют различного рода критерии точности прогноза. В данном случае будем судить о точности прогноза по величине погрешности (ошибки) прогноза — разности между прогнозными и фактическими значениями численности населения.

¹ Несмотря на более высокие темпы урбанизации в развивающихся странах, сельское население в них будет возрастать (на 54%), тогда как в развитых странах ожидается абсолютное сокращение сельского населения.

Величина погрешности прогнозов представлена в таблице.

Таблица

Отклонения прогнозной численности населения мира от фактической (средние варианты), млн. человек

	1955	1960	1965	1970	1975
Прогноз 1954 г.	-118,8	-217,5	-337,2	-457,1	-588,7
Прогноз 1958 г.		-76	-108	-130	-137
Прогноз 1966 г.			-7,5	-18,2	-22,9
Прогноз 1973 г.				+21,8	+54,7

Анализируя данные таблицы, можно заметить некоторые закономерности. Во-первых, точность прогноза понижается по мере удаления от точки отсчета. Это объясняется, по-видимому, тем, что принятые гипотезы относительно развития демографических характеристик (смертности, рождаемости, миграции) отражают не столько будущую, сколько существующую демографическую ситуацию, или же определяют изменения режима воспроизводства населения, недостаточно верно учитывающая быстроту и характер его изменения. Во-вторых, в последних прогнозах существенно повышается их точность, что связано с улучшением статистического учета населения (особенно в развивающихся странах), а также с совершенствованием методологии прогнозирования.

Прогнозы ООН отличаются друг от друга не только различными оценками будущей численности населения, но и поставленными перед ними задачами. Так, прогноз 1958 г. включал аналитический прогноз¹, предполагающий, что население будет развиваться по модели стабильного населения и по модели квазистабильного населения (плотность рождений остается неизменной, а смертность — меняется).

Очевидно, что вероятность ближайшего будущего

¹ Аналитический прогноз используется для изучения влияния изменений рождаемости, смертности или миграции на состав населения независимо от того, насколько эти изменения соответствуют существующим тенденциям. Он нацелен на аналитические задачи и предназначается для изучения взаимосвязи структуры населения и его основных демографических характеристик.

развития населения мира по модели стабильного или квазистабильного населения чрезвычайно мала. Тем не менее теоретический анализ последствий стабилизации населения имеет большое научное и практическое значение не только для суждения о присущем моделям режиме воспроизводства населения, но и для многих практических расчетов, целью которых является установление на неопределенно длительное время различных нормативов, связанных со структурой населения. Как было отмечено, прогноз 1975 г. также содержал аналитический прогноз, предполагающий стабилизацию мирового населения к XXII в.

Помимо аналитических прогнозов в практике прогнозирования численности населения все шире стали использоваться ориентировочные прогнозы или прогнозы-предостережения. Они как бы показывают демографические последствия нежелательных событий (сохранение очень высокого уровня рождаемости, повышение уровня смертности и т. д.). Примером подобного прогноза может служить вариант прогноза ООН 1966 г. с «постоянной рождаемостью». Его задача состояла в том, чтобы привлечь внимание к демографическим и социально-экономическим последствиям сохранения высокого уровня рождаемости в некоторых развивающихся странах мира. Следовательно, основная функция ориентировочных прогнозов — предостережение от возможных нежелательных последствий демографического развития.

Таким образом, в настоящее время демографическая наука имеет на вооружении широкий круг прогнозов населения, отличающихся друг от друга целями и задачами прогнозирования. Однако демографическое прогнозирование не стоит на месте: происходит совершенствование математического аппарата¹, углубляется и обогащается теория народонаселения.

¹ Например, в настоящее время метод компонент преобразуется в имитационную модель, в которой для каждого лица рассчитывается вероятность вступления в брак, рождения детей, смерти и т. д., т. е. проводится имитация человеческого поведения; находит применение также метод «завышения — занижения» (inflating — deflating) и т. д.

К ЮБИЛЕЮ СТАРЕЙШЕГО РУССКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В 1980 г. исполнилось 225 лет Московскому государственному университету им. М. В. Ломоносова — флагману советской высшей школы и крупнейшему центру науки. Можно с уверенностью сказать, что нет ни одной области научных знаний, развитие которой не было бы так или иначе связано с Московским университетом. Это относится и к изучению народонаселения.

Примечательно, что основатель университета великий Ломоносов был и автором первого русского трактата о политике народонаселения — «О размножении и сохранении российского народа» (1761 г.). Это не случайно: проблему развития народонаселения страны он неразрывно связывал с «большим народа просвещением». И именно в Московском университете передовые взгляды М. В. Ломоносова по вопросам народонаселения нашли поддержку и отклик.

Наиболее ярко это выявилося в деятельности первого русского профессора медицинских и естественных наук С. Г. Зыбелина (1735—1802). Выдающийся врач и педагог, он был крупным ученым-материалистом. С. Г. Зыбелин уделял особое внимание изучению профилактики болезней, влияния на их распространение социальных условий. Будучи основоположником отечественной педиатрии, он заложил основы изучения детской смертности. Рассматривая проблему роста народонаселения, ученый указывал, что тяжелое положение народных масс является главным препятствием «медленного умножения народа». С. Г. Зыбелин знал литературу по «политической арифметике» и в своих исследованиях близко стоял к этому научному направлению, сыгравшему значительную роль в последующем возникновении демографической науки.

Другим научным направлением, в рамках которого тогда рассматривалась проблематика народонаселения, была так называемая описательная статистика (госу-

дарствоведение). Хотя, начавший читать этот предмет в Московском университете, И. Г. Рейхель (ум. 1778 г.) был автором нетрадиционной для описательной статистики работы «О наилучших способах для умножения подданных» (1766 г.), он, как, впрочем, и все его преемники вплоть до середины XIX в. (в том числе историки М. Т. Каченовский и М. П. Погодин), не вышел за рамки схоластической доктрины государственного управления.

Удар по ней в Московском университете нанес И. В. Вернадский (1821—1884), занимавший в 1850—1856 гг. кафедру политэкономии и статистики. Он был инициатором разработки теоретической статистики, опирающейся на научную организацию сбора статистических данных. При этом большое внимание И. В. Вернадский уделял статистике населения. Для ее развития важное значение имели и некоторые работы математиков университета. Так, Н. Е. Зернов (1804—1862) опубликовал в 1843 г. таблицу смертности для православного населения России. Такая же таблица, но на основе более поздних данных и другой методики, была составлена студентом университета, впоследствии видным математиком К. А. Андреевым (1848—нач. 1900-х гг.). Эта работа была удостоена золотой медали и опубликована в 1871 г. на средства университета.

В пореформенный период происходит окончательное становление буржуазной статистики (в современном значении этого термина), а также демографии, которая в дореволюционных работах чаще всего отождествлялась со статистикой населения. В Московском университете процесс становления этих дисциплин был в значительной степени связан с деятельностью А. И. Чупрова (1842—1908), который в 1878—1899 гг. руководил кафедрой политэкономии и статистики, входившей тогда в юридический факультет. Работая в ряде областей статистики (статистика транспорта, земская и др.), А. И. Чупров большое внимание уделял (особенно в лекционных курсах) статистике населения. Немало для ее развития сделало и руководимое им Статистическое отделение Московского юридического общества, которое было создано при университете в 1882 г. и за либерально-буржуазное направление деятельности распущено во время студенческих волнений 1899 г. Определенную демографическую работу провело также Об-

щество им. Чупрова, действовавшее при университете в 1912—1917 гг.

Для развития санитарно-демографической статистики, изучения заболеваемости и смертности много было сделано Ф. Ф. Эрисманом (1842—1915) — основателем кафедры гигиены в Московском университете (1884 г.). Требования улучшения условий труда и быта рабочих навлекли на ученого преследования властей, и в 1896 г. он вынужден был покинуть университет.

Немалые трудности, связанные с косностью и консерватизмом, пришлось испытать другому выдающемуся ученому — Д. Н. Анучину (1843—1923). С 1885 г. он замещал университетскую кафедру географии, и большая часть его деятельности прошла в дореволюционные годы. Но только после установления Советской власти, в 1919 г., ученый смог осуществить свой замысел создания в университете кафедры и института антропологии, который теперь носит его имя. Д. Н. Анучин широко интересовался проблематикой народонаселения, миграционными процессами, подчеркивал необходимость систематического изучения народонаселения России.

Такое изучение в первое десятилетие после победы Октября велось в МГУ на Факультете общественных наук (ФОН), на Этнологическом факультете и в ряде других университетских подразделений. В 1921—1923 гг. на Статистическом отделении ФОНа преподавали С. Г. Струмилин (1877—1974), Б. С. Ястремский (1877—1962), внесшие значительный вклад в развитие советской демографии.

Большое значение для изучения исторического развития народонаселения нашей страны приобрели труды С. В. Бахрушина (1882—1950), Б. Д. Грекова (1882—1953), М. Н. Тихомирова (1893—1965) и ряда других крупных ученых, пришедших в МГУ с восстановлением здесь в 1934 г. исторического факультета. На созданном в 1935 г. географическом факультете в предвоенные и особенно послевоенные годы сложилась школа экономгеографов во главе с Н. Н. Баранским (1881—1963), которая придавала важное значение географическому изучению народонаселения. Это способствовало разворачиванию в МГУ в 1950—70-е годы изучения географии населения (С. А. Ковалев, Н. Я. Ковальская, В. П. Коровицын, А. Е. Слука, О. А. Евтеев и др.).

В последние годы в МГУ стали осуществляться историко-демографические исследования. Зарубежной ис-

торической демографией успешно занимался В. В. Самаркин (1931—1977). Ряд ученых исторического факультета работают над этой проблематикой в аспекте отечественной истории (С. С. Дмитриев, В. З. Дробинев, И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов и др.).

На юридическом факультете учебное пособие «Семейное право и народонаселение» подготовил Е. М. Ворожейкин (1926—1976), этой же проблематикой занимается и А. М. Белякова.

В начале 1960-х годов в МГУ была выдвинута гипотеза о комплексном изучении народонаселения. Она получила воплощение в деятельности Центра по изучению проблем народонаселения (ЦН) экономического факультета. ЦН (научный руководитель Д. И. Валентей) является научно-учебным объединением, в которое входят Проблемная лаборатория народонаселения (обр. в 1965 г.) и кафедра народонаселения (обр. в 1968 г.).

Через кафедру и аспирантуру при ней Центр народонаселения ведет подготовку демографов широкого профиля, готовит учебные программы и пособия («Основы теории народонаселения» (М., 1973 и 1977); А. Я. Боярский, Д. И. Валентей, А. Я. Кваша «Основы демографии» (М., 1980) и др.) и, являясь базой Секции народонаселения Научно-технического Совета Минвуза СССР, осуществляет координацию учебно-научной деятельности в области народонаселения в вузах страны.

В соответствии с комплексным подходом к изучению народонаселения ЦН привлекает к исследованиям ученых университета (в 1974 г. в МГУ создан Научный координационный совет по комплексной теме «Проблемы народонаселения и трудовые ресурсы») академических институтов и НИИ. Созданный на этой основе коллективный труд «Марксистско-ленинская теория народонаселения» (М., 1971 и 1974) показал, как отметил С. Г. Струмилин, «что эффективная разработка проблем народонаселения должна и впредь осуществляться комплексно представителями широкого круга общественных и ряда естественных наук». Одним из первых теоретических обобщений работы коллектива ЦН в этом направлении явилась монография «Система знаний о народонаселении» (М., 1976), свидетельствующая о том, что в МГУ «сложилось научное направление со своим конкретно-историческим подходом к изучению, осмысливанию и обобщению демографических процессов» («Правда», 1977, 31 марта). За 15 лет работы ЦН им

проведены десятки научных конференций, демографических обследований, издано большое количество работ. Одним из свидетельств международного признания деятельности ЦН, который является самым крупным в СССР научно-учебным подразделением по проблематике народонаселения, стала организация на его базе Курсов ООН по демографии.

Деятельность ЦН в известной мере является развитием традиций изучения народонаселения в старейшем университете страны. Вместе с тем она свидетельствует о том, что флагман советской высшей школы обладает большим потенциалом для решения тех задач, которые поставил перед советской наукой XXV съезд КПСС в области народонаселения.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. Шелестов.</i> История и современность (Об изучении истории демографической науки)	3
<i>Э. Васильева.</i> У истоков демографического изучения России	15
<i>А. Перковский.</i> Дореволюционная демография на Украине	23
<i>П. Звидринш, А. Лапицш.</i> Об изучении населения Латвии в XIX—XX вв.	33
<i>Е. Денисова, М. Москвина.</i> Становление советской демографии	43
<i>В. Дробизhev.</i> Из истории изучения воспроизводства населения в СССР	58
<i>В. Моисеенко.</i> Первые исследования миграции населения в СССР	69
<i>Н. Сазонова.</i> Советская литература о деятельности ООН в области народонаселения	80
<i>О. Андриюшкевич.</i> К истории демографических прогнозов ООН	89
<i>Ю. Кукушкин, Д. Шелестов.</i> К юбилею старейшего русского университета	98

CONTENTS

<i>D. Shelestov.</i> History and modern times (on studies in the history of demography)	3
<i>E. Vasiljeva.</i> At the Source of the Demographic study of Russia	15
<i>A. Perkovskiy.</i> Pre-Revolutionary demography of the Ukraine	23
<i>P. Zvidrinsh, A. Lapinsh.</i> Population studies in Latvia in the 19 and 20th c.	33
<i>Ye. Denisova, M. Moskvina.</i> The shaping up of Soviet demography	43
<i>V. Drobizhev.</i> On the history of population reproduction studies in the USSR	58
<i>V. Moiseenko.</i> First studies of population migration in the USSR	69
<i>N. Sazonova.</i> Soviet publications on UN activities in the population field	80
<i>O. Andriushkevich.</i> On the history of UN demographic forecasts	89
<i>I. Kukushkin, D. Shelestov.</i> By the Anniversary of the Oldest Russian University	98

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ДЕМОГРАФИИ

Рецензент *И. С. Даниленко*

Зав. редакцией *В. П. Томин*

Редактор *Л. Л. Шербакова*

Мл. редактор *Е. М. Рудый*

Корректоры *Т. М. Васильева* и *В. Л. Долгова*

Техн. редактор *И. В. Завгородняя*

Худ. редактор *Э. А. Смирнов*

ИБ № 892

Сдано в набор 10.04.80. Подписано в печать 26.08.80.

А 03996. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. П. л. 3,25.

Усл. п. л. 5,46. Уч.-изд. л. 5,76. Тираж 13 000 экз.

Заказ 1260. Цена 35 коп.

Издательство «Статистика», Москва, ул. Кирова, 39.

Великолукская городская типография управления изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли Псковского
облсполкома, г. Великие Луки, ул. Полиграфис-
тов, 78/12